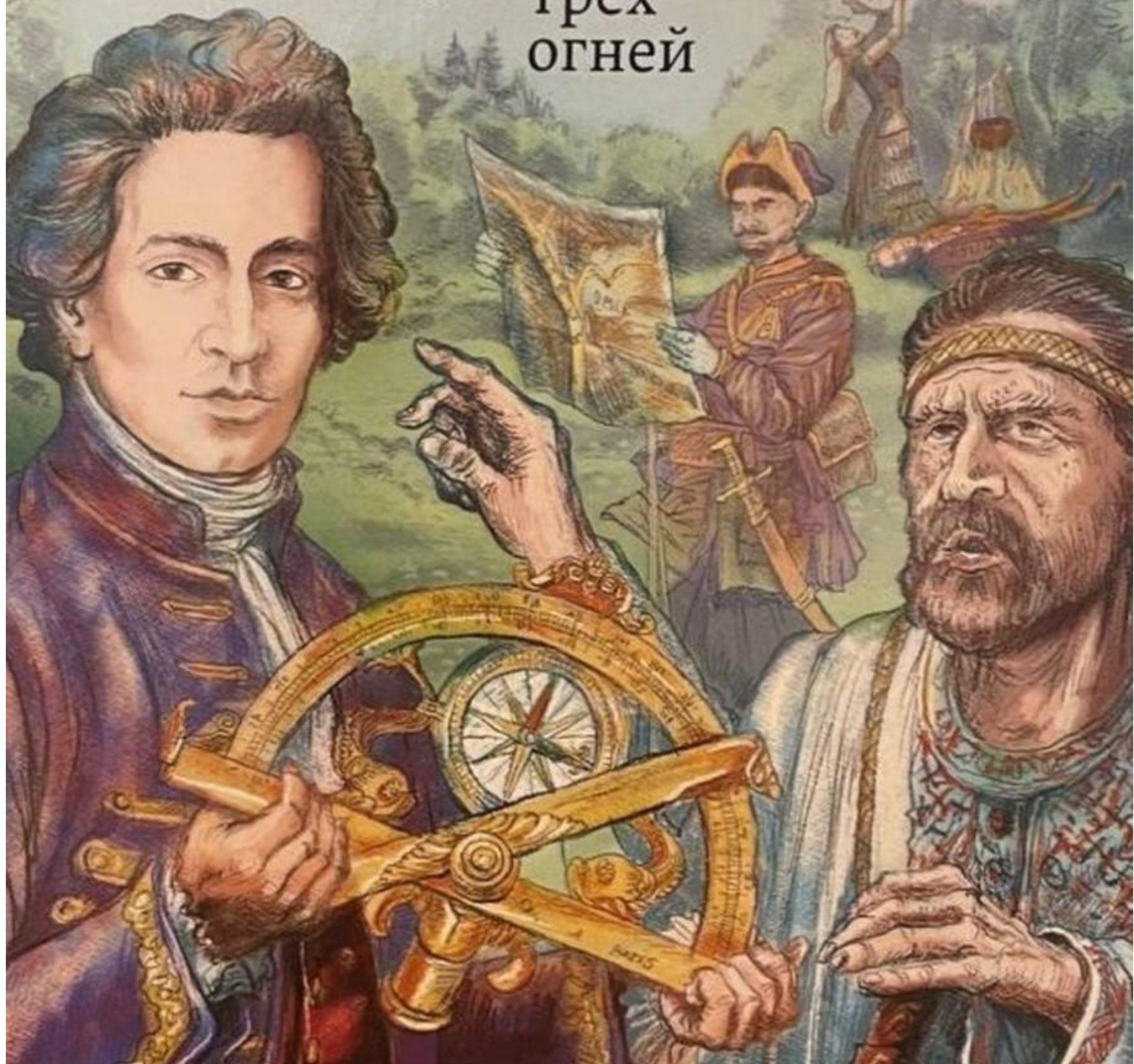

Виктор Кобеев

ГОСПОДИН КОММЕНДАНТ

книга Вторая
Между
трёх
огней

Виктор Кобеев

**Господин комендант. Между
трёх огней. Книга вторая**

«Автор»

2026

Кобеев В.

Господин комендант. Между трёх огней. Книга вторая /
В. Кобеев — «Автор», 2026

"Господин комендант" - это приключенческая трилогия с элементами мистики и философии. Легкий и интересный роман о приключениях Томаса де Вильнёва - француза, который в середине XVIII века перешел на службу русской короне, вышел в чине полковника в отставку и получил направление в сибирский город Томск на должность коменданта города, которую занимал с 1773 по 1793 годы. Вторая книга трилогии «Господин Комендант» продолжает историю офицера, которому суждено пройти между трёх огней — войны, власти и веры. Сибирь, XVIII век. Подполковник де Вильнёв прибывает в Омскую крепость, где начинается его новая служба — опасная, полная заговоров и загадок. Между интригами, войнами и открытиями, граничащими с чудом, ему предстоит сделать выбор, от которого зависит не только жизнь, но и честь. Заключительная третья книга "Господин Комендант" сейчас в стадии написания.

© Кобеев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1. Здравствуй, Сибирь!	7
Глава 2. Первый блин не всегда комом	19
Глава 3. Наживка с сюрпризом	31
Глава 4. Крещение крещённых	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Виктор Кобеев

Господин комендант. Между трёх огней. Книга вторая

Вместо предисловия

Сколько раз убеждался: время — сугубо материальная категория. На что и как мы его тратим, в конечном счёте определяет наше место в жизни. Сегодня это особенно чувствуется. Темп, в котором мы живём, просто зашкаливает. Только проснулся, что-то сделал, что-то не успел — за окном уже вечер. Но так, наверное, было всегда. Вот и у Томаса Томасовича двадцать лет пролетело, как один день. Многие случилось за эти годы. Государева служба — она такая; размышлять о превратностях бытия ему особенно не приходилось, просто некогда было, хотя возможность заниматься своей любимой алхимией он всё же находил и даже получил кое-какие результаты, которые с точки зрения современной науки могут показаться весьма спорными. Однако и сейчас-то, даже в точных дисциплинах, далеко не всё однозначно. Вот эфир — абсолютно прозрачная и абсолютно несжимаемая среда — вроде как был, и это не подвергалось сомнению. Потом он куда-то делся, и появилась новая форма материи — поле. Но вот опять заговорили про этот самый эфир... Почему? Наверное, вспомнили, что говорил по этому поводу Никола Тесла, или потому, что современные учёные, даже имея колоссальную исследовательскую базу в виде ускорителей, супермикроскопов, орбитальных телескопов, искусственного интеллекта и тому подобных сверхсложных инструментов, так и не могут объяснить некоторых вещей, которые есть в нашей жизни. Что уж говорить о веке восемнадцатом!

Очень интересно, как бы отнёсся человек того времени, весьма неглупый и опытный, тот же Томас Томасович, к нашим успехам в науках? К тому, как всё это мы используем в своей жизни? В какую сторону эти самые успехи могут её изменить? А достижения, которых он добился в результате своих опытов, не могли не повлиять на его дальнейшую судьбу.

Какие-либо достоверные факты из биографии господина де Вильнёва за этот период мне неизвестны. Знаю лишь, что он успел послужить на Кавказе, в Тенгинском полку, том самом, к которому потом был приписан Михаил Юрьевич Лермонтов. После Томас Томасович перебрался в Сибирь.

Почему? Отправили, чтобы заткнуть дыры в штатном расписании? Сам пожелал из-за того, что там двойное жалование и вакансий свободных хватает? Или какие-то обстоятельства непреодолимой силы, подобно урагану, занесли его почти на край земли? Об этом тоже ничего не известно. Но как бы то ни было, наш Томас Томасович оказался в городе Омске. И не просто так, а уже в чине подполковника. Там он работал в «Секретной зенгорской комиссии», и не только в ней. Организация вполне реальная, потому я и название сохранил.

Времена были очень уж непростые! Государство российское продвигало свои интересы на восточных рубежах. До Бога высоко, до царя далеко — это как раз про то время и то место, где оказался наш герой. Обстановка тогда тоже была весьма и весьма сложной, да она просто-то у нас никогда и не отличалась. В Европе перманентная война, на Кавказе тоже непонятно — кто, с кем и за что... А уж там, на востоке, который, как известно, дело тонкое: сегодня друзья, завтра тоже друзья, но уже друзей наших недругов. Сегодня враги, завтра цели где-то в чём-то совпали, и так далее, и тому подобное. А ещё надо защищать одних друзей от других, тоже, вроде как, друзей, ибо того требуют интересы Российской империи. И ресурсы-то весьма невелики: всего пять драгунских полков, правда, с двойной артиллерией да, как всегда, казаки,

с которыми тоже иногда бывает не всё гладко. В прямом смысле — ограниченный миротворческий контингент.

И как прикажете отстаивать интересы России такими вот немногочисленными силами? Рядом ведь могущественная Цинская империя, которая тоже очень хотела бы... а ещё и Джунгарское ханство со своими амбициями. Джунгары, они же зенгорцы, постоянно, много лет, не на жизнь, а на смерть бьются с казаками, не жалея ни женщин, ни детей, ни стариков, и теснят их, теснят на запад и на север, туда, где уже веками живут российские верноподданные — татары и башкиры. Сами казаки, как и, впрочем, джунгары, меж собой тоже не очень-то и дружны. Постоянно меряются силами: кто главнее, и кому больше всяких привилегий положено, и кто право имеет. С юга подпирают Хивинское и Бухарское ханства, за спиной которых невооружённым глазом видна Персия. Совсем не удивлюсь, если вдруг где-то всплывёт и то, что кто-то, очень влиятельный и могущественный, продвигал уже тогда свои интересы там же с перспективой на весьма далёкое будущее. Край-то богатый, под землёй есть много такого, чего в других местах не увидят никогда, потому что там этого просто нет! Такие люди тоже всегда были. К этому следует добавить, что достаточно большая часть русского населения в тех краях была гражданами, законом пренебрегавшими, или же их прямыми потомками, а яблоко от яблони, сами понимаете... Царица-матушка знала, куда народ ссылат. С глаз долой, подальше для всеобщего спокойствия, чтобы воду не мутили возле столиц. И как в такой обстановке работать?! Даже за двойное жалование не всем дано правильно делать правильное дело. И такое не редкость — что тогда, что сейчас.

Но Томас Томасович не зря поехал в Сибирь, помнил, что говорил отец, который иногда ненавязчиво «подсказывал», когда и куда ему свернуть на жизненном пути. А тут и вакансия появилась благодаря его другу, графу Мещерскому. Теперь господину маркизу уже проще, на первый взгляд. Он почти русский, хотя и «хранцуз». По виду ничем не отличается от окружающих, особенно если одет, как казак, по манерам общения — тоже. Когда надо, может доходчиво объяснить простыми словами, что и как следует делать. И ведь люди понимают, и даже с одного раза! А вот если посмотреть под другим углом, то — как сказать, потому что у него ответственности стало гораздо больше. Теперь приходится выслушивать нарекания от вышестоящего начальства и за себя, и за своих подчинённых, и за друзей, и за врагов, как говорил некогда барон Шмидт, человек, наставлявший молодого Томаса на путь истинный в самом начале его карьеры. Умело владеть шпагой и метко стрелять из пистолета — это очень хорошо, потому что если плохо... получается, долго не проживёшь. Но погоны старшего офицера — совсем другое дело. Там надо больше головой работать, копаться в бумагах и грамотно строить свои отношения с окружающими людьми. И, как всегда, планируешь одно, а вот как получится... Тут уж как получится, лишь бы хуже не стало, ибо главная задача любого начальника во все времена и в любом государстве, говоря бюрократическим языком, — создать систему, которая будет исправно выполнять именно то, что это самое государство от неё и требует. Только и всего! Чтобы этого добиться, Томасу Томасовичу обязательно нужно знать всё или почти всё, что говорит народ вокруг, кто и что собирается делать. Но для этого необходимо везде иметь своих людей, как говорят оперативные работники, — информаторов, к которым надо относиться, почти как к родственникам, но никогда не путать дружбу и службу.

Так тоже всегда было, да и сейчас так.

Глава 1. Здравствуй, Сибирь!

Время летит быстро. Эту фразу начинаешь понимать лишь с годами. Почему так? Наверное, оттого, что человек сравнивает прошедшее только со своим опытом. Когда мне было пять лет, каждый прожитый год — очень большая часть прошлой жизни. Когда разменял пятый десяток, как сейчас, — уже не такая значительная. Чем дальше, тем каждый год становится короче в нашем восприятии, только и всего. Вот и кажется, что раньше время тянулось медленно, как свежий мёд, стекающий тонкой струйкой на кусок хлеба, который протягивает мне мама. Иногда оно даже и пахло мёдом. Сейчас время просто бежит, словно вода на пол из опрокинутого стакана. Уже и подполковничьи погоны на плечах, которые дают много, но требуют ещё больше. Служба с постоянными заботами, дежурствами, ученьями, переездами, обязанностями по снабжению оружием, амуницией, провиантом, строевые смотры, манёвры, господа офицеры, которые иногда творят такое, что не всякий писатель на большую голову сочинить сможет, нижние чины тоже не отстают от своих командиров.

Только разберёшься с одним, и вроде бы всё утихнет, как появляется новый соискатель сомнительной славы, и опять то же самое. А ещё приказы, приказы, приказы, наставления, инструкции, высочайшие и не очень распоряжения, которые сыплются, как снег на голову. И то надо, и это, и вот это. А как? Как хочешь, но чтобы было точно и в срок, и ни шагу в сторону! К этому тоже привыкаешь. Такая бесконечная карусель становится похожей на рутину, затягивает, как болото.

За повседневной суетой отошли куда-то на задний план чернокнижники, как будто их и не было в моей жизни. Видимо, для них я стал неинтересен на фоне государственных дел, как говорил когда-то барон Шмидт. Граф Мещерский наконец-то женился. Я даже побывал на его свадьбе, правда, она состоялась гораздо позже, нежели кто-то мог предположить. Женой стала другая барышня, совсем не тот белокурый ангел, изображение которого было в медальоне на груди моего друга. Не получилось, и всё тут! Когда я спросил Владимира, как так произошло, он просто махнул рукой:

— Знаешь, Томас, может, оно и к лучшему, — если сразу не пошло, как надо, то не надо никак.

— Но ведь ты говорил, что дело решённое и чувства у вас обоюдные и горячие.

— И говорил, и думал, да только родители невесты рассудили иначе. То одно им сделай, то с другим помоги. Я не против этого. Многие так поступают, родственников и уважать нужно, и помогать тоже. Ничего плохого не вижу в этом, если всё в меру. А тут... Одного на службу устрой, за другого слово замолви, третьему помоги разобраться со своими делишками, которые сам же и натворил. Я зачем устраивался на службу? Только ими заниматься? Сам до высоких чинов пока не дослужился. Надо мной тоже начальства хватает.

— Ну и сказал бы.

— Конечно сказал, так они свою доченьку так настроили! А уж она-то губы надула, будь здоров! Разговаривать со мной перестала. Надо же, что удумали, через неё мною вертеть, как им хочется! Мой батюшка, если помнишь, и он-то себе такого никогда не позволял, только предупреждал, что мне же и отвечать придётся, если не то сделаю. А тут ещё не обвенчались, а уже командовать желают... Генералы доморощенные! Только я не солдат, чтоб под козырёк брать. Особенно не люблю, когда меня пробуют обмануть. Сам не ангел, но это в прошлом, а у моей невесты воздыхатель оказался, с которым она встречалась даже после нашей помолвки, и не раз и не два.

— Уверен в этом? Может, сплетни? Молва — дело такое.

— Если бы сам не видел, не говорил бы. И Никодим... тоже знал, но молчал, бестия, пока я его не прижал, как надо! Я ему даже хотел сгоряча...

— И хорошо, что не получилось, — перебил я. — А как бы ты на его месте? Ваши амурные дела ваши и есть, сегодня ругаетесь, завтра милуетесь. А ему меж вами встречать ни к чему, даже для вашего блага.

— Вот-вот, он то же самое сказал, только другими словами. А потому это всё в прошлом. Скандал был до небес, но пережил, хотя и стоило это удовольствие недёшево. А уж деньги-то они любят... родственнички мои несостоявшиеся. Но лучше сразу отрубить, чем потом всю жизнь сопли на кулак мотать, как Никодим говорит, да маяться.

Новая невеста графа, которую звали Тамарой, оказалась полной противоположностью предыдущей его пассии. Крепко сбитая темноволосая девушка невысокого роста с живыми карими глазами, немного курносая, она, скорее, походила на крестьянку, несмотря на аристократическое происхождение и изысканные манеры. Барышня была на редкость обаятельным и жизнерадостным человеком, однако в ней чувствовались крепкая воля и внутренняя сила. Именно то, в чём иногда нуждался Владимир. Он сам так и сказал:

— Томас, ты видел, время от времени мне нужны вожжи и кнут, как хорошему рысаку, чтоб не заносило на поворотах, как тогда, когда мы с тобой познакомились, а Тамара... Она может, да так, что я не чувствую ни вожжей, ни кнута, но получается, как надо. Это счастье великое, батюшка был бы доволен.

После свадьбы Владимир полностью погрузился в дела семейные и служебные. Оставшись старшим в своём роду, он, как и положено, взял на себя заботы о своих близких уже в полном соответствии с завещанием старого графа. К тому же у него на свет появились двое сыновей, и наши встречи стали совсем нечастыми. Оба мы были людьми служивыми, на первом месте всегда стояли обязанности государственные. Я бывал у него в имении несколько раз. Встречали меня исключительно радушно и тепло, но тот Владимир, с которым мы бились на льду пруда не на жизнь, а на смерть по глупости и горячности его, остался в прошлом, как и тот Томас, из-за неосмотрительности и длинного языка которого состоялось наше близкое знакомство, едва не кончившееся трагедией.

В последний раз мы, как обычно, вечером уединились в библиотеке с традиционным кофе. Эта неделя пронеслась, словно один день. Утром мне предстояло возвращаться в свой полк. Нам прислуживал другой уже слуга, сын Сильвестра, который по старости не мог больше исполнять обязанности и просто доживал свой век в имении Мещерских, будучи человеком вольным. Молодой лакей был ростом намного выше и в плечах гораздо шире своего отца, но лицом очень похож, а вот манеры его оказались не такими учтивыми и изящными, как у старого слуги. Подавая поднос со сладостями, он едва не опрокинул их на Владимира, чем вызвал законное неудовольствие хозяина.

— Матвей! Да чтоб тебя! — граф успел поймать поднос. — Не руки, а крюки! Сколько раз говорил, осторожнее надо! Иначе на конюшню пойдёшь, за лошадьми навоз убирать.

— Батюшка, пусть уж туда! Будь милостив, уволь меня от этого «принеси, подай, уйди и не мешай...», не могу больше. Лучше в солдаты отправь! Но только не ногами шаркать и в этой кучерявой бабской шапке ходить! — он сдёрнул парик с головы. — Сил никаких нету более, не моё это дело. У папеньки моего хорошо получалось, а вот я никак не могу, хоть убей!

— Убивать сегодня не буду, ладно, иди уже с глаз моих, — Мещерский сменил гнев на милость. И после того как закрылась дверь, продолжил:

— Сам вижу, парень не на своём месте, только Сильвестр очень уж за сына просил, а он мне как дядя родной. Ладно, что-нибудь придумаем. Давай лучше о твоих делах поговорим.

— У меня всё, вроде бы, пока нормально. Недавно подполковника получил, на новую должность назначили.

— Вот и я об этом. Дело такое, Томас, — Мещерский замолчал. — Я часто общаюсь с людьми разными, даже когда они этого не хотят, служба такая. Потому и говорю. В государстве нашем назревают какие-то события. На самом верху, — он поднял палец. — Понимаешь,

грызня идёт за то, кто ближе к государыне окажется. Людей новых много появилось, и все что-то своё крутят, вертят, выгадывают.

— Всегда так было Владимир: чем выше гора, тем труднее на неё забраться и тем меньше места на вершине. Тут кто кого столкнёт, тот и останется.

— Всегда — да, но не всегда так. Ладно, если бы только свои, а то ведь то англичане какие-то, то голландцы, то немцы, вроде как, то ещё не понять кто.

— Так и я ведь тоже «не понять кто», если уж так судить.

— Томас, ты — иное дело. Ты воевал, жизнью рисковал Государства российского ради. И погоны твои порохом и кровью пахнут, а не одеколонами и интригами. Потому и говорю. Слышал, кое-кто хочет собрать таких, как ты, чтобы потом...

— Заговор?

— Пока не знаю, говорить не буду.

— Но ведь есть же люди, которые должны пресекать это всё на корню, они-то куда глядят? Что, и там тоже?

— И там тоже, каждый на себя одеяло тянет, которое местами уже дырами пошло. Меж собой договориться всё никак не могут. Более того, они ведь как делают. Находят человека, который им нужен, потом ставят вокруг сети, из которых после не выбраться, а потом предлагают условия, от которых никак не отказаться.

— А если нет?

— Долго не проживёшь, и хорошо, когда сам, а если близкие? Знаю не понаслышке, кое-что попадалось. Вижу, шито белыми нитками, но ведь всё по закону! Вот в чём беда! Докладывал начальству, и не раз и не два, но ответа никакого. Более того, прямо намекнули, чтоб молчал и лишних вопросов не задавал. Мол, делаешь своё дело — и делай, как предписано, голову не морочь ни себе, ни людям. Думаю, в отставку попроситься, зачем мне всё это? — он опрокинул рюмку. — Доподлинно знаю, и тебя вспоминали. Так, мельком, и ведь люди не простые... Не мои друзья, сам понимаешь. Я обязан по долгу службы иметь свои глаза и уши во многих местах. Ведомство, конечно, не как у господина Шмидта, но и у нас без этого никуда. Вот мне осведомлённые люди и подсказали, мол, сам французский посланник граф Луи Филипп Сегюр упоминал тебя в разговоре и, говорят, не единожды. С чего бы? А ещё они слышали, что этот господин француз, которые на службе у государства состоят, старается пристроить поближе к столице, разумеется, не на простые должности. Только за красивые глаза они ничего не делают. Потом обязательно спросят, да так, что отказать не сможешь. Похоже, и тебя хотели бы использовать в своих интригах. Только представь! Если бы я в Париже, будучи официальным посланником, наших русских вот так продвигал при дворе короля? Ну как тебе такое? То-то, самое малое — выслали бы в течение суток, если бы хоть намёк такой был. А то и в тюрьму бы спрятали, да так, что никто никогда не узнал и концов не нашёл, а у нас... — он вновь опрокинул рюмку. — Что шло, что ехало. Тьфу, даже противно!

— И что мне теперь? Тоже в отставку?

— У тебя выбор шире, Томас. Можно куда-нибудь в восточные губернии, как ты раньше сам говорил. Там народу всегда не хватало, особенно кадровых офицеров, а ты себя зарекомендовал с самой лучшей стороны. Места далёкие, почта идёт месяцами. Для них ты потеряешь всякий интерес. Условия службы трудные, работы много, порядки ещё не устоялись, и проходимцев тоже хватает, но и государство платит двойное жалование, есть за что.

— Владимир, если какая-то вакансия откроется, дай знать.

— Зачем «если»? Недавно было дело. Там, как помню, купца одного за воровство государевых денег осудили на пять лет. Благо что мало украл, а то бы на каторге сгнил. Снабжением занимался Вологодского драгунского полка. По завышенной цене поставлял провиант и амуницию. В стоворе был с кем-то из военных, но там у них свой суд. Кого-то тоже, вроде как, приговорили. Военные и начали это следствие. Но гражданские люди уже по нашей части. Как

знаю, вакансия открылась, и особенно туда никто не рвётся. Пиши рапорт, пока то, пока это. Помогу по своей возможности. Делопроизводство у нас небыстрое. Кстати, там командует бригадир Иосиф Иванович Крофт. Может, вы где-то и встречались. Немного старше тебя, думаю, с ним найдёшь общий язык. Хорошо, если так получится. По крайней мере ничего худого о нём ни от кого не слышал.

Получилось именно так, как думал Мещерский, только гораздо быстрее, чем можно было ожидать. Через полгода я выехал к новому месту своей службы в Омскую крепость. Этьен вновь последовал за мной. По виду мы уже ничем не отличались от наших сослуживцев, по разговору — тоже. Узнать в нас французов было практически невозможно. Годы службы сделали своё дело.

Так случилось, что после Крымской кампании алхимией я занимался не так часто, как хотелось бы. То не хватало времени, то не было места, где бы я мог спокойно ставить свои опыты, да и оборудование требовалось соответствующее. Рассказывать кому-то, зачем мне нужны склянки, реторты, горелки, точные весы, кристаллы кварца и тому подобные вещи, смысла не имело никакого. Мало ли кто и как поймёт? Так и в колдовстве обвинить могут. В России за это предусмотрена смертная казнь, хотя я не слышал, чтобы кого-то сожгли на костре или отрубили голову, как во Франции или Германии. Поэтому от греха подальше я не стал испытывать судьбу и сделал свои занятия более понятными для окружающих, для вида, разумеется. Бывая иногда в Петербурге и Москве по делам служебным, приобрёл по случаю вполне приличные телескоп и микроскоп и несколько хороших книг по астрономии, астрологии, биологии и физике. В конце концов, если чудаковатый француз по ночам смотрит на звёзды в какую-то трубу или разглядывает всяких букашек под большим увеличением, никакого вреда ни для кого, кроме букашек, от этого точно не будет. А потому пусть себе и смотрит, лишь бы никому не мешал да свои обязанности исполнял, как положено.

Об истинных целях своих опытов я не говорил даже Этьену, хотя он догадывался, вне всякого сомнения, но никогда никаких вопросов не задавал. Однако чисто случайно мне удалось получить некоторые результаты, о которых другие могли бы только мечтать. Помогли как раз звёзды в ночном небе. В книгах, которые я купил, было много любопытного. В частности, о том, что расположение планет и звёзд на небосклоне может влиять и на людей, и на то, что они делают, и на то, как они это делают. Если астрология существует тысячи лет и от неё не отказались, значит...? Значит либо наши предки в подавляющем большинстве глупы, либо она даёт результат, о котором не всем известно. Для интереса я сопоставил и то, и другое, и третье. Удивительно, но кое-что подтвердилось. Я даже нашёл нечто похожее в книгах моего отца. А если так, почему бы не проверить это на практике в несколько в ином свете, в прямом смысле, разумеется? Как расположение планет и звёзд влияет на наше светило? Точнее, на то, какой свет идёт от него? Проведя много экспериментов, я убедился, что никак не влияет, а должно бы. А если попробовать разложить свет с помощью призмы? И опять сотни раз одно и то же, и опять ничего! Я уже собирался бросить это бесполезное занятие, но совершенно неожиданно получил результат, о котором даже не мечтал.

Однажды поток света, преломлённый призмой, попал на стоявший на столе стакан с водой. Потом я вылил её в цветочный горшок с геранью на подоконнике и просто забыл об этом. Каково же было моё удивление, когда через три дня там распустились цветы! Рядом точно такая же герань — и ничего, а здесь ярко-красные шапки! Повторный опыт не дал совсем никаких результатов. Более того, цветок, с которым я проводил эксперимент, почти полностью облетел, на нём осталось не более полудюжины тщедушных листиков. Как же так? И только потом до меня дошло: время, точнее, расположение звёзд на небе! Именно оно влияет на наше бытие как вещь, сугубо материальная. Сегодня вода «живая», способная возродить увядшее растение, завтра — «мёртвая», в другой день — совсем никакая, то есть нейтральная. Мёртвой

водой можно обработать рану, чтобы искоренить всякую заразу, но от неё ничего не расцветёт и не исцелится.

Мои расчёты показали, что почти такое же положение планеты займут только через полгода. На этот раз я подготовился к своему опыту со всей тщательностью и получил именно то, что ожидал. Цветок распустился, как я и думал. Старому дворовому псу я обработал мёртвой водой незаживающую гноящуюся рану на спине, а после дал попить живой воды, которую он вылакал полностью и стал вилять хвостом, требуя ещё. Странно, на мой вкус вода была такой же, как обычно, хотя, как знать, — обоняние собаки в сотни раз чувствительнее человеческого. Потом он стал молодеть прямо на глазах, рана заросла, проплешины на спине закрылись густой шерстью. Пёс не давал покоя по ночам, лая на случайных прохожих и бродячих собак, как раньше, чем очень удивил всех.

Я решил заморозить полученные образцы воды, чтобы потом под микроскопом посмотреть на кристаллы льда, благо на улице была зима. Каково же было моё удивление, когда я обнаружил совершенно разные структуры! Как же так, вода одна и та же, а «картинки» такие разные? И тем не менее... Так просто — всего лишь обычная вода и обычный солнечный свет, но только всё в своё время. О том, почему так произошло, я не стал никому рассказывать, просто пил эту воду и велел готовить на ней пищу для нас с Этьеном. Всё было поистине замечательно, вот только один из моих сослуживцев заметил через некоторое время, что он изменился далеко не в лучшую сторону, а я каким-то чудом остался прежним и даже, по его словам, немного помолодел. Мне пришлось отшучиваться по поводу разумного питания и отсутствия супруги, которая постоянно донимает своими придирками. Странно, но он полностью согласился со мной. Однако это был лишь первый звонок, и мой перевод в другую часть, за тридцать земель, где меня никто не знал и ни разу не видел, пришёлся весьма кстати.

Наконец я оказался в Омской крепости, стоявшей у слияния рек Иртыша и Оми, или, как называли её местные жители, Омки. Как и полагается, я сразу направился в штаб и доложил о своём прибытии дежурному офицеру, после чего тут же был приглашён в кабинет начальника — бригадира Иосифа Ивановича Крофта. Там за столом, на котором всё было разложено в идеальном порядке, сидел невысокий круглолицый человек в тщательно отглаженном полевом мундире. Аккуратно подстриженные усы и борода, высокий лоб и пристальный взгляд серых глаз говорили, что передо мной человек, отличающийся педантичностью. А это и хорошо, и не очень. Хорошо, потому что действия таких людей предсказуемы, и не очень именно по той же причине. После того как я отрапортовал по уставу, он кивнул в знак приветствия и пригласил к столу, где была разложена карта.

— Господин подполковник, — начал Крофт. — Не сочтите меня человеком чёрствым и погрязшим только в своих служебных обязанностях, который оказывает столь холодный приём заслуженному офицеру, проделавшему путь в тысячи вёрст. Всему своё время, а сейчас я лишь хотел бы убедиться, что передо мной именно тот самый подполковник де Вильнёв, послужной список которого лежит на моём столе.

— Весь внимание, господин бригадир. Готов ответить на любой ваш вопрос.

— Понимаете ли вы, куда попали и что вам предстоит здесь делать?

— Куда — абсолютно точно, имел возможность убедиться, пока добирался в столь далёкие места. Бескрайние земли, на которых предстоит устанавливать порядки Государства российского и защищать их от врага внешнего и внутреннего, — я кивнул на карту, висевшую на стене. — Судя по тому, что вижу перед собой, край в десятки раз больший, нежели Крым, где мне пришлось отстаивать интересы России. Климат здесь совершенно иной, недаром сюда ссылают преступников. По поводу того, чем предстоит заниматься? Это решение ваше, господин бригадир. Было бы хорошо, если бы я мог использовать свой прежний опыт, о котором вы имеете представление из документов, что лежат перед вами.

— И не только из них. У нас говорили в своё время о каком-то французе, сумевшем во время крымской компании добыть ценные сведения, повлиявшие на успех всей операции. Имени официально не называли, но вы же знаете... Если о чём-то известно более чем двум десяткам человек, вопрос времени, как быстро узнают и другие. Тем более всё подавалось как пример для использования в служебных делах. Только где взять таких людей, никто не говорил. Однако сейчас воочию вижу, кто это был, — Крофт усмехнулся. — Как вам это удалось, не спрашиваю, но надеюсь, что и здесь проявите себя наилучшим образом. Иные думают, что тут до Бога высоко, до царя далеко, живём, как на другой планете, поэтому можно творить, что душе угодно. Дальше всё равно сылать некуда. Вы, случаем, не знаете, что произошло с вашим предшественником? — Крофт прищурился.

— Доподлинно мне неизвестно, но, как слышал, что-то связанное с неполадками в снабжении.

— Вот именно что-то, — он подошёл к окну. — Позвольте спросить, как могло такое случиться, что я, человек, поставленный государыней на высокую должность, дабы соблюдать интересы Государства российского здесь, за тридевять земель от столицы, и не знал, что творится у меня под носом?

— Господин бригадир, не имею права задавать подобные вопросы, субординация не позволяет.

— Знаю, знаю, вопрос чисто риторический, и если не спросили, то могли и подумать. А отвечать всё равно надо. Замечу, есть только одна причина. Тут кто-то оказался не на своём месте: либо я, либо ваш предшественник. Откровенно скажу, пробовал сменить его дважды, но не получилось. Здесь не столица, и сюда народ не особо рвётся, несмотря на двойное жалование. Действительно, до Петербурга очень далеко, да и климат, не как в Крыму. После перевода капитана Дубова в Томск начальником пересыльной тюрьмы ваша должность была вакантной более полугода, пока вы не написали свой рапорт. Ох уж этот Дубов! Ведь хотел его уволить, однако не дали. Другого посадили бы за попустительство и ненадлежащее исполнение должности, а этого только перевели. Знать, было кому замолвить за него слово. Надеюсь, его ошибок не повторите.

— Никак нет, господин бригадир! Всегда служил не за страх, а за совесть, — я встал.

— Сидите, сидите. Именно это я и хотел услышать от вас. Надеюсь, мы найдём общий язык, как бы это странно ни звучало из уст вашего начальника. Говорю так лишь потому, что вы увидели главное — огромные просторы, которые предъявляют определённые требования. Вам зачастую придётся поступать по своему усмотрению и руководствоваться только законами, общими приказами и собственной головой без какого-либо непосредственного управления с моей стороны, ибо время здесь иногда решает всё. Успели, значит выиграла, а вот опоздание — слишком дорогое удовольствие, ценой которому могут быть многие жизни. Поэтому я должен быть уверен и в вас, и в том, что вы поступите правильно в любой ситуации. Кстати, как вам крепость на первый взгляд? Вы, как знаю, понимаете в строительстве и фортификации?

— Господин бригадир, имел некоторый опыт. Ни крепость, ни окрестности пока ещё не осматривал, но её расположение на слиянии рек считаю абсолютно верным и выигрышным. Естественные водные преграды не дадут врагу напасть неожиданно по крайней мере с двух сторон. Поэтому основное внимание обороне можно уделить с севера и с востока — там, где нет больших препятствий для противника. Только крепость почему-то достаточно далеко от берега этой... большой реки — Ертыша. Слишком широкая полоса суши, которая может быть использована как плацдарм для атаки на цитадель. Как недостаток могу отметить то, что стены сложены из брёвен, а это материал, далеко не идеальный в данном случае. И горит, и гниёт, особенно там, где соприкасается с землёй.

— Совершенно верно подметили, — Крофт улыбнулся. — Стены кое-где уже требуют ремонта. По этому поводу я недавно написал господину губернатору соответствующее письмо.

А эта, как вы изволили заметить, большая река называется Иртыш. Как переводится это название на русский, знаете?

— Нет, ещё не ознакомился ни местными обычаями, ни с условиями жизни.

— Переводится просто — «Землерой». Именно так. Название говорит само за себя. Особенно хорошо это заметно в половодье, ещё успеете увидеть. Имя второй реки, Омь, переводится как «тихая». И это радует. Сейчас отдохайте с дороги. Я распорядился для вас и денщика приготовить жильё прямо в крепости. Пока поживите здесь, потом определитесь сами. Вас поставят на довольствие. Питание можете получать на полковой кухне и обедать там же в зале для офицеров. Я предупредил тех, кто за это отвечает. Жду завтра в девять утра здесь же, форма одежды гражданская. Вы свободны.

Я вышел из кабинета. Странно, обычно такое событие, как представление нового офицера, проходит обязательно в форме и при всех наградах, чтоб сразу было видно, что за сослуживец будет рядом. А если нет, значит господин бригадир уже что-то придумал для меня. Однако об этом узнаем завтра.

Мои апартаменты оказались тремя обычными небольшими смежными комнатами, в которых мы с Этьеном и разместились. Питание не представляло ничего необычного, разве что в рационе было гораздо больше рыбы и мяса и отсутствовали свежие овощи и какие-либо фрукты. Сначала было непривычно, но потом мы с Этьеном приспособились, точнее, наши желудки привыкли и к этому. Хотя иногда где-то там, в глубинах памяти, всплывали картины из моего детства, виноградники с чёрными и янтарными гроздьями, яблони и груши в цвету, огромные каштаны и пурпурно красная черешня, которая нравилась мне больше всего. Из-за этого иногда одолевала тоска по тому времени, когда я был счастлив настолько, что мог об этом не думать. Но дела и заботы службы быстро прогоняли подобные чувства.

Моё представление офицерам гарнизона прошло совершенно буднично. Несколько озадачило то, что в комнате были только старшие офицеры, а не все, как обычно происходит в подобном случае. Каждый, как положено, вставал, называл фамилию, имя, отчество и должность, на которой находится. После этого слово взял сам Крофт.

— Господа офицеры, — командир сделал паузу, — представляю вам подполковника де Вильнёва Томаса Томасовича, который будет отвечать за безопасность в нашем гарнизоне вместо штабс-капитана Дубова. Прошу любить и жаловать, а также отвечать на все его вопросы честно и искренне. Замечу, в своём деле он человек весьма опытный и заслуженный. О том, кто это такой и зачем здесь, — он кивнул в мою сторону, — пока просил бы не распространяться. Именно поэтому сейчас он в гражданской одежде. Всему своё время.

После этого мы с комендантом уединились его в кабинете. К моим обязанностям разведчика и контрразведчика добавилось ещё и то, что я стал главным инспектором, который должен осуществлять надзор над строительством и содержанием крепостных и оборонительных сооружений на подчинённых землях. Всё это для меня не было чем-то необычным, кроме одного — огромных расстояний. Потом случалось так, что мне зачастую приходилось преодолевать десятки и сотни вёрст, чтобы разобраться, на первый взгляд, с какой-либо мелочью. Однако жизнь давно убедила меня в том, что в наших делах мелочей не бывает.

— С чего собираетесь начинать службу на новом месте, господин де Вильнёв? — продолжил Крофт. — По сути, вы должны быть моими глазами и ушами, но учтите, решения здесь принимаю только я, ибо двух капитанов на одном корабле не бывает. Для судна это верная гибель. У нас создана Зенгорская секретная комиссия, в которой я — председатель. С этого дня вы мой первый заместитель, человек, который в моё отсутствие будет руководить ею и командовать гарнизоном. Она занимается именно тем, что я сказал.

— Господин бригадир, в армии я не первый год и никогда не ставил под сомнение решения старших командиров и не обсуждал их. Устав — он и есть устав. Как меня учили, все уставы написаны кровью. Убедился в этом. Начинать думаю именно с ушей и глаз. Чтобы быть

вашиими глазами, мне надобно иметь свои и среди друзей, и среди врагов тоже. Чтобы вы знали, что происходит, я должен слышать, кто говорит, что говорит и когда говорит. Но чтобы так было, требуются и время, и, разумеется, деньги. Бесплатно только вороны каркают на дереве, — я кивнул за окно. — Тут надо либо человека крепко держать на крючке, либо платить. Иного за много лет ни разу не видел. Непременным условием считаю лишь то, что только я могу знать своих людей и никто иной, в противном случае со мной никто и никогда никаких дел иметь не будет. Думаю, вы согласитесь. То, что я поставлен на должность главного инспектора, очень хорошо. Одно другому только помогает.

— Надеюсь, мы друг друга поняли, — комендант позвонил в колокольчик, стоявший на его столе. — Не люблю кричать в помещении, знаете ли, мне на плацу хватает, а здесь не стоит лишний раз.

Тут же в дверях появился дежурный офицер.

— Ключ, Владимир Петрович, будьте любезны, — распорядился Крофт. И вскоре на его столе лежал этот самый ключ весьма странной конструкции, каких я ещё ни разу не видел. Передо мною была какая-то прямоугольная пластина с дырками и полосками. — Господин капитан, в моё отсутствие выдавать подполковнику по его требованию, сейф открывать в установленном порядке в вашем присутствии. Вы свободны.

После того как офицер вышел, Крофт достал из своего стола другой ключ, также весьма замысловатой конструкции, подошёл к одному из плательных шкафов, оказавшемуся в реальности сейфом, и открыл оба замка.

— Таков порядок: один ключ у меня, второй у моего заместителя. От второго замка — у дежурного офицера. Секретные дела — они и есть секретные. После того как открыли, обязательно расписаться в журнале в приёмной, число и время непременно. Закрыли — то же самое. Документы никуда из штаба не выносить, это строжайше запрещено. В делах всё по описи, каждый лист. Говорю так подробно из-за важности документов, — он протянул мне две объёмные папки с бумагами. — Это лишь часть того, с чем вам предстоит ознакомиться. Всё это ещё долго будет вот так храниться. Кто знает, как аукнется через много лет то, что мы делаем сейчас? Государственные дела, они и есть государственные, — он поднял палец кверху. — Тщательности и аккуратности требуют. Люди знают одно, говорят другое, а делается третье. Какие вопросы имеете, господин подполковник?

— Пока только один, поскольку не знаю, что там, — я похлопал папки. — Каким образом занесли сюда эти сейфы? Вопрос не праздный. Мало ли как дела могут повернуться. Турки думали, что никогда из Крыма не уйдут. А в Карасу базаре мы много чего интересного нашли из того, что они забрать не успели. Я обязан думать о сохранности государственных секретов по должности. Если одного ключа не окажется, а вынести их нельзя, но надо, то как? Ведь они же не пройдут ни в дверь, ни в окно.

— Никак открыть не получится, унести тоже, на это и расчёт. У вас, господин подполковник, в кабинете почти такой же сейф, только оба ключа будут у вас, заберёте их у дежурного офицера. А занесли... Так никто и не заносил, опустили лебёдкой, когда ещё крыши не было. Заранее знали, где, кто и чем будет заниматься. Идите, изучайте, потом зайдёте ко мне, обсудим. Вы свободны.

Моим кабинетом оказалась совсем небольшая комната, вот только никакого сейфа я там с первого взгляда не увидел. Странно, не будет же Крофт разыгрывать меня — не тот человек, и должность не та. И только потом до меня дошло: это же письменный стол! Целиком отлитая конструкция с двумя массивными тумбами по бокам. Поднять такой можно только лебёдкой, и в глаза не бросается. Внизу сбоку я обнаружил литое клеймо «Нижнетагильский железодельный завод». Действительно, умеют мастеровые люди делать своё дело. Внутри было абсолютно пусто, если не считать сломанной деревянной линейки, двух карандашей и скомканного листа бумаги, застрявшего под нижним ящиком в тумбе. Развернув его, я без труда узнал гос-

подина бригадира, вот только изображён был Крофт совершенно без одежды, но с погонами на плечах и с явно изменёнными пропорциями фигуры и некоторых частей тела. Сразу видно, какие чувства испытывал автор к объекту своего творчества. Этот лист я изорвал в мелкие клочки и выбросил в мусорное ведро от греха подальше. Небогатое наследство, но так, может быть, даже и лучше. Зачастую проще построить новый дом, чем переделывать старый.

Сейчас же мне предстояло изучить содержимое папок. Чем больше я углублялся в чтение документов, тем больше вопросов появлялось. Кто такие зенгорцы, или, по-другому, джунгары? Почему они воюют не на жизнь, а на смерть с такими же кочевниками, которые называют себя казаками? Почему Цинская империя сначала бьётся с зенгорцами, а потом помогает им же и оружием, и проверенными в боях командирами? Почему в последнее время много купцов оттуда появилось во владениях казахов? Не боятся, однако, что обученная и подготовленная армия кочевников может пойти против них самих? Почему среднеазиатские ханства, за которыми просматривается влияние персов, тоже поджимают казахов с юга? Договорились с джунгарами и уже поделили казахскую степь меж собой? Насколько долго разрозненные казахские племена смогут противиться такому давлению со всех сторон после того, как во время последнего зенгорского нашествия потеряли почти половину своих людей, по подсчётам китайцев, больше миллиона? И это в голой степи, где каждого человека за версту видать в прямом смысле! А уж они считать умеют! Под кого казахи уйдут? Или найдётся предводитель, который объединит кочевые племена и вновь сделает степь сильной? Кто? Если так, то сидеть без дела они не будут. Сами войной пойдут, на кого? У зенгорцев тоже творится что-то похожее после смерти их правителя Галдан-Церена. Грызутся наследники не на жизнь, а на смерть. Какова наша роль во всей этой азиатской каше? Вопросы, вопросы, вопросы... Однако уже вечер на дворе, бригадир Крофт оказался на месте.

— Что скажете, господин де Вильнёв?

— Только одно: надо подробно разбираться, кто, с кем, почему и надолго ли? И самое главное — по каким правилам играть нам, то есть Государству российскому. Может, я что-то пропустил, но никаких прямых указаний на этот счёт в документах не нашёл.

— Да уж... Вопрос вы задали, однако. Сейчас на него никто не знает правильного ответа, даже там, — он поднял глаза к потолку, — в самой столице, а вот нам здесь и сейчас надо жить и исполнять свой долг перед Отечеством. Если коротко, то мы здесь меж двух огней в прямом смысле, если точнее, между трёх огней, и четвёртый хотя и за горами, но его горячее дыхание иногда чувствуется. Погасить их не выйдет при всём нашем желании. Сил таких у нас нет, да и вряд ли они появятся в ближайшем будущем. В Крыму-то не всё гладко было, как знаю. Помните, наверное. А там Россия — рукой подать, и вот она! Нам говорили, что Пётр Петрович Ласси не зря оттуда экспедиционный корпус вывел осенью. Некоторые недалёковидные слуги государевы это поражением сочли, а зря. Если бы наши там остались, как некоторые генералы предлагали, могли потерять больше, чем приобрели. Снабжение армии наладить продовольствием и оружием — уже половина дела. Если этого нет, то ни про какую победу даже и думать нечего. Та операция заложила фундамент наших будущих побед в Крыму. В этом я уверен.

Можно, конечно, выиграть одно сражение, можно и другое, но потом вся армия ляжет от голода и болезней и будет в конце концов разбита. А здесь почта месяцами идёт, не говоря о чём-то другом. Только в последнее время сюда направили пять драгунских полков, большего не нашли. Всё понимаю, в Европе и на Балтике беспокойно. Но и то хорошо, что дали, иначе сибирские земли вообще можно потерять. Наша забота сейчас — удержать, что имеем, и создать задел на будущее. Потому и строим оборонительные линии с крепостями, где запасы можно собрать и хранить да войска на зиму разместить. Бывало уже и такое. Китайцы на востоке окружили нашу крепость, только вот взять не смогли, хотя в поле воюют очень даже хорошо. И крепость небольшая, и народу в ней не так уж много, но пушки хорошие, а пушкари ещё лучше. Многих положили, но к стенам враг так и не подошёл.

Помучились они, помучились, тут и зима подоспела. Это вам не Крым и даже не Лифляндия. В открытом поле да в лютый мороз долго не продержишься, через день околеешь. А тут в степях ещё и ветра — будь здоров! Сам видел людей, замёрзших насмерть, и не один раз. После такого наступления они сами мира запросили. А вот это уже наше дело, на каких условиях. Сейчас нам никак нельзя дать разгораться этим огням дальше, иначе погорим сами. С одной стороны — Цинская империя, с которой мы торгуем не один десяток лет, с другой — зенгорцы, которые нам никак врагами быть не желают. С третьей — казахи, которые нам союзники, но имеют большие претензии к зенгорцам, и есть за что, как и зенгорцы к ним соответственно. Цинская империя постоянно воюет с зенгорцами, причём весьма успешно, и теснит их всё дальше на запад и на север. К тому же китайцы подбивают казахов к войне с зенгорцами, хотя сами с ними тоже воевали не раз и не два. А казахи, так те и меж собой толком разобраться не могут. То один говорит, что он тут главный, то другой. Да ещё Хорезм, за которым персы, и не только он, тут свой интерес имеет. Вот и разберись, с кем и как себя вести!

Все чего-то хотят и что-то пытаются требовать от нас: то пушек, то мастеров, которые эти пушки и ружья могут делать или научить их, то крепости наши отдать, то ещё чего. Недавно беглые мастерские людишки с уральских заводов, как мне доложили, у зенгорцев объявились. Пушки начали вроде как лить из меди и свинца, да не пошло дело. Слишком тяжелы оказались да слабы. Как знаю, раньше тут такая коллизия случилась. Зенгорцы нашего пленного шведа захватили, Ренатом звали, вот это оказалось очень плохо для нас. Человек, говорят, был грамотный, много чего знал и умел, и нам никак не друг. Нашим предшественникам туго пришлось, но кое-как выкупили. И сейчас, как мне докладывали, опять... — Крофт замолчал.

— Шведа или какого другого иноземца захватили кочевники?

— Вроде бы нет. На сей раз из мастерских людей, но не просто кузнеца или какого рабочего, а человека больно толкового, который много чего понимает в ремесле. Этот пушки из свинца лить не будет. Да и претензия у него вполне обоснованная к своему бывшему хозяину могла иметься, и не только к нему. Больно уж лютый человек, говорят, был этот хозяин-то. А как выпьет, так спасу никакого. Вразумляли его, как могли, так нет же... Над своими людьми уж больно измываться любил.

— Почему любил?

— С разбитой головой нашли, а этого самого Алексея Санникова рядом видели. Сознался он после того, как допросили с пристрастием, хотя сначала говорил, что и не он и не знает, кто. Да ведь все так говорят. Только виноватый быть должен обязательно, вот его и к каторге приговорили, а потому что больно толковый, и оставили при заводе, где он работал, только уже в тюрьме. Иначе никак нельзя. Хозяин за него хорошие деньги получал, пока живой был. Народишко надо в узде держать, иначе хаос начнётся. Потом он попал в обоз, на который напали зенгорцы. Обоз разграбили, охрану перебили, мужиков работных увели с собой. Ну да ладно, что-нибудь придумаем. И это ещё не всё. В последнее время беглого народу прибавилось, разбоем промышляют, купцов грабят всех подряд — и наших, и не наших. Ловим, судим, караем, да только меньше отчего-то не становится. Недавно в окрестностях Омской крепости опять банда объявилась. Зимой, видать, перезимовали в какой-то деревне, а как потеплело, опять принялись безобразничать. В прошлом году по осени их почти догнали, почти... Да только ушли из-под носа, будто в воду канули. Не иначе как кто-то из местных жителей помог.

И ещё поговаривают, — Крофт замолчал, подбирая слова, — как бы сказать... Казахи и зенгорцы дружить собираются. Нам, вроде бы, и на руку, спокойнее должно стать. Должно бы, только дружба эта задумывается против нас. А ведь казахи на сегодняшний день верно-подданные Государства российского. Вот и оказывается — подданные, да не все особо верные. Крутись, как хочешь, но чтобы было тихо. И нам-то никак нельзя явно занять чью-либо сторону, иначе другие тут же превратятся во врагов. Вдобавок ещё, как мне сказали свои люди, среди китайцев видели каких-то то ли миссионеров, то ли негодяев из Европы. Зачем они

здесь? Торговать с нами? Так из Европы много ближе, или совсем наоборот? Или именно они эту самую дружбу между зенгорцами и казахами подогревают? А может, и с разбойниками водятся? По-хорошему бы нам должны были представиться, раз уж объявились тут. Но нет, о них я узнал от торговых людей, и раньше такого не было. Или они, стало быть, европейцы, засуетились от того, что маржу хорошую потеряли? Мы ведь запретили китайские товары ввозить к себе из европейских стран, потому что сами можем их покупать. Зачем переплачивать посредникам?

Вот такие интересные дела, господин де Вильнёв. Это всё в общих чертах, но мы должны знать, кто, что и как собирается делать, чтобы быть готовыми заранее. Иначе нам не справиться пятью драгунскими полками, которые вдобавок ещё и собрать надо вместе. А степняков-то тысячи, а то и десятки тысяч. Налетают, как ветер, ниоткуда и исчезают, как туман, неизвестно куда. Дружба зенгорцев и казахов — дело такое, очень уж зыбкое. Сегодня так, завтра иначе, и все для нас вроде как друзья. А потому у меня имеются прямые инструкции: в случае если их людям, без разницы, зенгорцам или казахам, будет грозить опасность, защитить их своими силами и пушками, если это потребуется. Не зря полки укомплектованы двойной артиллерией. А при необходимости впустить их для спасения в наши крепости, хотя такое для нас может быть весьма опасным делом. Но приказ есть приказ. Его исполнять положено.

— Очень сложная ситуация, господин бригадир, в Крыму всё понятнее было. Там османы, они наши враги, и всё. Кто-то из местного населения, может, и был в симпатиях к нам, но об этом вслух не говорили, а здесь... голову сломать можно. Однако начал бы с того, что с кем-нибудь из русских купцов под видом приказчика или ещё кого сходил бы к зенгорцам и казахам сам и посмотрел на всё. Может, кого бы склонил на свою сторону, хотя и не знаю. Степняки для меня — люди неизвестные, поэтому надо смотреть собственными глазами. Это во вторую очередь.

— А в первую? — Крофт прищурился. — Хотя догадываюсь.

— А в первую, господин бригадир, считаю, надо изловить тех разбойников, что купцов грабят рядом с городом. Для власти это пощёчина, на которую она почему-то не отвечает. И что за власть такая? Кто её будет уважать после этого, а тем более бояться? То, что они имеют своих людей в Омске, для меня дело очевидное. Иначе бы и не скрылись от преследования. А если так, то могут докладывать о наших делах и планах нашим недругам, кто бы это ни был. Потому считаю важным их поймать и наказать по закону. Чем быстрее, тем лучше.

— Именно так я и предполагал, господин де Вильнёв. Через день ежемесячный строевой смотр, к нему надобно подготовиться. И солдаты, и господа офицеры должны всегда помнить, что служба — это прежде всего порядок, для того смотр и нужны. Ваше присутствие, тем более в военной форме, на нём считаю необязательным.

— Господин бригадир, а если в гражданской одежде? Те, кому положено, уже знают и болтать лишнего не будут, солдат и офицеров в прямом подчинении у меня пока нет, а вот что делает гражданский человек в крепости, которого поставили на довольствие на кухне, — вопрос.

— Что предлагаете?

— Стать на некоторое время вашим дальним родственником из Франции, который путешествует, приехал посмотреть на здешние места, ищет какие-либо редкие минералы, собирает экзотических букашек и травки. Человеком небедным и немного чудаковатым. Только надобно внести деньги в полковую казну за пропитание, чтобы потом у ревизоров не было вопросов.

— Однако! И об этом подумали. Так как же зовут моего родственника?

— Виконт Мишель Мантре. Думаю, он против не будет.

— Таких родственников у меня ещё не было. А ведь вы правы! Теперь вижу, что вы меня понимаете. То, что написано в вашем послужном списке, полностью соответствует тому, что говорите. Хотел бы сделать ещё одно замечание. По своей должности, как мне известно, вы

обязаны докладывать о том, что считаете нужным, напрямую господину губернатору, без моего ведома. Это не я придумал и не вы, но исполнять мы с вами обязаны. С моей стороны никаких нареканий, я не барышня в романтическом возрасте, а только часть государственной машины, как и вы. Она, эта машина, должна работать исправно и выполнять то, что от неё требуется. Одно хотелось бы от вас, прежде чем будете писать туда, — он поднял палец кверху, — хорошо подумайте, что и как. И остался последний и, наверное, самый важный вопрос. Зачем вы здесь, господин маркиз?

— Отвечу кратко — служить. Если более подробно, то мои возможности по месту прежней службы в продвижении по карьере оказались исчерпаны. Чтобы пойти дальше, нужны были либо протекции, которых у меня нет, либо интриги, которыми никогда не занимался. Протекции мне предлагали, но люди такие, с которыми я никогда не имел дел в прошлом и ни за что не хотел бы иметь в будущем, и не только потому, что они бесплатно ничего не делают. Для них понятия достоинства и порядочности — пустой звук. Им главное — интерес, ради которого могут купить и продать, потом предать и ещё раз продать и купить, но потребовать могут то, что против моей совести, которую я не собираюсь разменивать ни на какие должности. Да и служебная рутина изрядно поднадоела, — одно и то же каждый день. Надеюсь, вы меня понимаете.

— Вот сейчас, кажется, всё. Я вполне удовлетворён вашим ответом. Осматривайтесь, изучайте документы. Форму пока не доставайте из своих чемоданов. О планах доложите после строевого смотра. Вы свободны.

Глава 2. Первый блин не всегда комом

Рассказ Крофта не то чтобы смутил меня, но в душе стали появляться некоторые сомнения. Не поторопился ли я, отправившись в столь далёкие края? И не потому ли сюда не могли найти подходящую кандидатуру, что здесь, как на другой планете, по словам Крофта? Ведь исполнить достойно всё, что требуется, никак не получится, сколько бы ни старался, и как? Очень может быть, что капитан Дубов вовсе не так глуп, как хотел казаться. И по возрасту далеко не мальчик. Просто он вышел из этой тёмной игры самым безболезненным для себя способом, когда понял, что не справляется. Закрыв глаза на воровство, хотя должен был бы его пресечь. Мол, не обнаружил вовремя, и ведь никто не обвинил его в корысти — значит, доказательств не было. Иначе бы тоже отправился в Томск, да не начальником тюрьмы, а просто каторжанином по этапу. Но если нет, значит и не было. Год-два прослужит и уйдёт в отставку с хорошей пенсией и надбавками, как иногда говорят, «за не боюсь» и «за далеко». И вот он — достойный финал карьеры, до которого мне ещё служить, как медному котелку!

Или всё это лишь результат многих лет моей рутинной суеты, которая сделала своё дело, потому что я сам стал осторожным и перестал чувствовать вкус риска и удачи? Как быть? Как бы мне пригодился совет отца! Но за последние несколько лет он ни разу не являлся мне во сне, как раньше. Знать, не было нужды. Теперь она появилась, и мне была бы очень кстати сейчас такая «волшебная палочка».

Мне вспомнилось то, что я прочёл в книгах, которые он мне оставил. Мир духовный и мир материальный — это одно целое, две стороны одной медали. Где граница, их разделяющая или, наоборот, соединяющая, сказать не может никто. То, что мы думаем и во что верим, напрямую влияет на происходящее в мире реальном, а потому... если долго думать об одном и том же, то... но так ничего и не произошло. Отец не посетил меня, как я ни старался привлечь его в этот вечер своими мыслями. Я так думал.

Утром, оказавшись у себя в кабинете, я поразился неприятному запаху, которого вчера почему-то не заметил. Так «благоухать» могли только мыши. В самом углу за плательным шкафом безо всякого труда обнаружилось их гнездо, сделанное из мелких обрывков бумаги. Сами грызуны куда-то сбежали при моём появлении. Вскоре обнаружился и строительный материал, из которого они пытались сделать своё жилище: пачка листов, связанная тонкой бечёвкой, обгрызенная по краям. Видимо, предыдущий хозяин просто забыл её или не стал брать за ненадобностью.

Развязав шнурок, я был поражён тем, что увидел. Сразу вспомнился барон Шмидт с его портретом Масалиса. И здесь сходство было просто великолепным. Передо мной оказались портреты всех офицеров, с которыми я познакомился у Крофта на своём представлении, и не только они. Если Дубов имел какой-либо нехороший умысел, то зачем оставил подобные улики? А здесь... И господа офицеры, и городские улицы, и женщина с ребёнком на руках, и строевой смотр, где драгуны маршируют в пешем строю, и местный священник на проповеди и многое, многое другое, что никак нельзя причислить к каким-либо государственным секретам. Передо мной, вне всякого сомнения, лежали работы настоящего художника, который так и не стал настоящим военным, а потому завершает свою карьеру надзирателем над каторжанами где-то за тридевять земель. Человек оказался не на своём месте, только и всего. Знать, судьба такая. Однако среди всего этого творчества, испорченного мышами, промелькнуло нечто знакомое. Я ещё раз пересмотрел рисунки. Кажется, вот оно! Передо мной были драгуны в пешем строю. Крайний — вылитый Матвей, несостоявшийся камердинер графа Мещерского! Быть того не может! Неужели он?

Настенные часы пробили полдень. До строевого смотра осталось совсем немного. Я ножницами подрезал обгрызенные края рисунков и вновь связал их в стопку.

Смотр прошёл в полном соответствии со всеми установленными порядками. Чувствовалось, что в гарнизоне есть и командир, и порядок, который он поддерживает. Я выбрал себе место в самом углу, так чтобы моё присутствие явно не бросалось в глаза, но меня было видно всем. Когда мимо проходил первый взвод драгун пешим строем — взвод, который считается лучшим в полку, во второй шеренге я заметил того самого драгуна, похожего на Матвея как две капли воды. Наконец смотр завершился, музыканты собрали инструменты и покинули плац. Вскоре я был в кабинете господина бригадира.

— Докладывайте, господин де Вильнёв, — начальник кивнул на стул. — В ногах правды нет, разговор может быть долгим.

— Начну с того, что знаю только два способа поймать хищную рыбу в озере, а то, что перед нами жестокий хищник, сомнений не вызывает.

— Больно уж витиевато. Поясните.

— Ловить можно либо сетями, либо на приманку или на живца. С сетями сложно. По моим расчётам, для крупной облавы по кругу от города до пятидесяти вёрст, потребуется конницы не менее двух полков. Причём надо будет сделать всё скрытно и одновременно. Как это выполнить в городе, где все и про всё знают? Получается, что никак. И сил таких нет, и сделать очень сложно. Остаётся только второй путь. Опять же, кто согласится на роль приманки, и имеем ли мы право рисковать жизнями гражданских людей, которых защищать обязаны? Как поведёт себя обычный человек, если ему будет грозить смертельная опасность? Чья-то нерешительность может поставить крест на всём, что мы делаем. Поэтому остаётся только один вариант.

— Какой?

— Ваш дальний родственник, — я поклонился. — Другого пути не нахожу. Сегодня меня видели на плацу, завтра весь город знать будет, кто я и зачем здесь. Надо оправдывать своё присутствие. Скажем, любитель природы собрался искать редкие растения или насекомых, где-нибудь... верстах в сорока-пятидесяти от города. А для этого требуется проводник, который покажет дорогу и приведёт туда куда надо... надо ему, проводнику.

— А смысл грабить какого-то одиночку, если они брали караваны?

— Во-первых, чужеземец отнюдь не бедный, все это увидят на базаре, а во-вторых — ваш родственник.

— Но ведь это с моей стороны вызовет карательные меры в любом случае. Зло должно быть наказано, иначе какая же я власть?

— Вот именно! Только сначала надо изловить, а до сих пор этого не удалось. Поэтому разбойники, думаю, потребуют большой выкуп. Условия обмена можно так обставить, что им покажется безопасно. А что будет потом, то и будет, главари часто бросают своих подручных и уходят с награбленным добром. Деньги здесь — самый выигрышный вариант.

— А если проводником согласится стать совершенно посторонний человек? Тогда мы только время потеряем.

— Ваш родственник может быть и богатым, но не обязательно щедрым человеком или даже совсем жадным. Это и будем использовать. Сначала узнаем, сколько стоит такая услуга, а потом пообещаем раза в три меньше. Нормальный проводник явно не согласится, потому что невыгодно. А тот, кому очень надо, пойдёт за любую плату, даже в убыток себе, в надежде пожить. Я бы ещё хотел попросить вот о чём...

— Слушаю.

— На плацу во время смотра в первом взводе во второй шеренге крайним справа был солдат, очень похожий на бывшего слугу моего хорошего знакомого, графа Мещерского.

— Уж не Матвей ли?

— Именно так его и звали. Он знает, кто я такой на самом деле, и сейчас главное, чтобы по простоте своей не сболтнул лишнего. А мне бы ещё один преданный человек в таком деле

был весьма кстати. И французский Матвей знает, даже читать и писать может, что для вашего родственника очень даже неплохо.

— Матвей? Чтобы он сказал лишнего? Да помилуйте! Из него клещами не вытащить то, что знает. Не каждый день попадают солдаты из крепостных, да чтоб грамотные, которые читать, писать и считать умеют весьма неплохо да по-французски понимают. А уж силушка-то у него немереная! Всё удивляюсь, как же граф Мещерский его от себя отпустил. Будь моя воля, я бы — ни за что.

— Господин бригадир, ещё больше удивитесь, когда узнаете, что мне довелось присутствовать при этом, — я кратко рассказал о случившемся в имении графа Мещерского.

— Действительно, чудны дела твои, Господи, — Крофт поднял глаза и перекрестился. — Однако объясните, каким образом собираетесь всего с двумя слугами, пусть даже очень хорошими бойцами, победить отряд конных разбойников численностью более двух десятков сабель? Они-то не первый день в седле, и человека им лишить жизни — раз плюнуть.

— Только вместе с отрядом наших казаков, вдвое большим. Иначе не получится.

— Резонно, в вашем постоянном подчинении будет отряд сотника Валериана Михайлова, как было ранее. Он присутствовал среди офицеров, которым я вас представлял, знает, кто вы. Как понимаю, вы идёте впереди вместе с проводником, Михайлов в некотором отдалении, чтоб не было видно. Вы попадаете в ловушку, начинаете схватку, а дальше? Как дадите знать казакам, что на вас напали? В таком деле всё решает время. Успеет Михайлов — живы останетесь и разбойников поймаем, нет — ваше место вновь станет вакантным. Слишком рискованно. Я не могу такого допустить.

— Для этого мне нужен хороший аптекарь, а лучше двое, мастерская, где я смогу работать с химией, немного времени и пороха. Я неплохо знаю эту науку, из пороха сумею изготовить хлопушки, которые будет и слышно, и видно за несколько вёрст и которые не надо поджигать. Аптекари нужны для того, чтобы воспользоваться реактивами, которые есть только у них.

— Очень интересно. Хотелось бы самому посмотреть, что у вас получится, перед тем как устраивать такое представление. Всё необходимое получите. Сейчас дам распоряжение, чтобы Матвея отдали под ваше начало. Так будет лучше. Вопросы имеете?

— Пока нет, господин бригадир. Вот, только это, — я протянул пачку рисунков. — Нашёл у себя в кабинете, когда прибирался.

Чем дольше Крофт рассматривал рисунки, тем более удивление проявлялось на его лице.

— Вот уж на кого бы не подумал, и зачем в армию-то пошёл? Странно как-то, все офицеры есть, а меня почему-то нет. Случаем, не было ещё какого-нибудь рисунка?

— Это всё, что сохранилось, господин бригадир. Если и было что, мыши гнездо сделали. Кота туда надобно запустить.

— И то верно. А вы случайно... — Крофт кивнул на рисунки. — Нет?..

— Ни петь, ни рисовать, ни стихи сочинять в прямом смысле. Только чертежи могу. Мои увлечения носят вполне материальный характер. Астрономия, химия, как говорил, математика, физика, биология. И для этого имею даже некоторые приборы и инструменты. Занимаюсь исключительно в свободное от службы время.

— Весьма похвально, и главное — польза есть, — он поднял палец кверху. — А это отдам господам офицерам. Пусть тоже польза будет хотя бы какая. Время пройдёт, им будет что вспомнить.

С появлением Матвея в наших и без того небольших апартаментах стало совсем тесно, но, как ни странно, у него с Этьеном отношения сложились вполне дружелюбные. Видимо, сказала разница и в возрасте, и в жизненном опыте, а также то, что Матвей, несмотря на своё происхождение, был человеком грамотным и сведущим в делах, касавшихся забот слуги. Иногда он понимал Этьена без слов, и тот относился к нему, как к младшему брату. Никакой конкуренции, как с Амиром, за любовь господина, то есть меня, не было и в помине. Большим

плюсом его присутствия стало и то, что мы вновь возобновили свои занятия единоборствами. Этьен учил моего нового слугу, я учил, и он учил нас тому, что сам умел, правда, всё его мастерство было основано на силе и молодости, на том, что нам уже было недоступно, — и силы не всегда хватало, и скорость реакции была уже не той. Тем не менее от этих занятий польза была несомненная. Чтобы наша подготовка не бросалась людям в глаза, мы нашли несколько укромных мест недалеко от города и там упражнялись и в единоборствах, и в стрельбе, и в фехтовании всеми видами холодного оружия, которое только было в крепости. Куда и зачем мы ездили, докладывать мне уже не нужно было никому. Должность позволяла.

Однако наши планы по поимке банды разбойников, которые я изложил Крофту, оказались на грани провала ещё до того, как мы приступили к их исполнению.

Сложности начались сразу. Из тех аптекарей, что были в городе, один оказался обычным проходимцем, который под видом лекарств торговал толчёным мелом, смешанным для запаха с разными травами. Его просто выпороли розгами и предупредили, что если ещё раз попадётся!.. Другой лечил только травами, а у двоих оставшихся не оказалось именно тех химикатов, которые мне были нужны. Пришлось подбирать замену, а это не совсем то, что требовалось, да и нужно было время, чтобы поставить опыты и получить результаты. На торговом пути бандиты вновь напали на купцов, и тем повезло несказанно, что патрульный отряд Михайлова был неподалёку. Торговые люди тоже оказались не робкого десятка, когда дело коснулось их жизни. Знали, куда шли, подготовились основательно, поэтому бандиты, оставив на дороге троих своих товарищей, быстро ретировались в неизвестном направлении при появлении казаков. Но, по словам очевидцев, отряд разбойников был уже не менее четырёх десятков всадников.

Я не вылезал из своей лаборатории до ночи. В субботу и воскресенье мы с Этьеном и Матвеем бродили по торговым рядам в надежде найти проводника. И всё впустую! Ни горючая смесь не получалась, ни желающих рисковать головой ради какой-то блажи чудака-француза, который там что-то где-то собирается искать, не находилось. Комендант Крофт в разговорах со мной стал проявлять нетерпение, а потом выразил откровенное неудовольствие, сказав, что если через неделю ничего не получится, то будем ловить разбойников обычным способом, прочёсывая окрестности города и возможные места их пребывания. Однажды он вызвал меня к себе и попросту отчитал, как малолетнего школяра:

— Господин подполковник, — в этот раз Крофт не предложил мне, как обычно, сесть за стол, и в голосе его чувствовался не просто металл, а гремел самый большой колокол из тех, что были в местной церкви. — Буду откровенным с вами, у меня в последнее время появились большие сомнения в вашей компетентности. Время идёт, результатов не видно, разбойники бесчинствуют, а власть, то есть мы, сидим и чешем... за ухом... сказал бы по-другому, но должность не позволяет. Вы что, всерьёз думаете, что во всём городе не найдётся грамотных людей, которые смогут доложить господину губернатору помимо нас, что мы бездельничаем и занимаемся какими-то прожеками?! А разбойники меж тем творят безобразия?! Вот полюбуйте! — Он положил передо мной на стол бумагу. — Это просьба, замечу, коллективная, торгового сообщества навести порядок на подчинённых нам территориях. Именно так! Они почему-то знают о том, что бандиты собираются напасть на караван, который пойдёт через Джунгарию в Китай. Знают где, знают когда, а мы? А мы почему-то нет? Как это понимать? Извольте объясниться, господин де Вильнёв! И что делать прикажете?

— Господин бригадир, ни указывать, ни приказывать права не имею. То, что задумал, обязательно исполню, нужно только время. Если не получится так, сделаем по-другому. Мне нужна хотя бы неделя.

— А вот нет этой недели, знаете ли, нет — и всё! — голос Крофта зазвенел. — Редко повышаю голос, но вынужден. Место известно, время — тоже, о чём думать!? Надо поднимать полк по тревоге и громить разбойников. Никуда не денутся, я им устрою такое, чего они нико-

гда не видели, и не только им. Ждут караван с добром и мехами? Будет им караван, и меха будут... на шее в виде верёвки, — в его глазах сверкнул нехороший огонёк. — Дождутся у меня, — он бухнул кулаком по столу так, что опрокинулась чернильница. — Чтоб тебя... — Крофт разразился такой бранью, которую я редко слышал и от солдат.

— Могу ли задать вопрос?

— А-а-а... — он махнул рукой, видимо, немного остыл, — давайте.

— Просил бы оставить в крепости хотя бы роту драгун и казаков Михайлова.

— И сам знаю, здесь будут две дежурных смены и отряд сотника, вы остаётесь за командира, и смотрите... Чтоб тихо было! Моё письменное распоряжение получите, хватит в игрушки играть! Свободны.

Свободен так свободен. Жаль, Крофт не захотел слушать меня, а сказать есть что. Однако надо поговорить с Михайловым. Обстановка может измениться мгновенно, и лучше приготовиться к этому заранее. Поэтому, выйдя от начальства, я попросил дежурного офицера срочно разыскать Михайлова и отправить его ко мне. Вскоре он сидел против меня и рассматривал карту, которую я предварительно разложил на столе.

— Что скажете, господин сотник? — я указал место, где, по сведениям от купцов, должна быть устроена засада разбойников. — Вот тут, как говорят торговые люди, бандиты в количестве около сорока конных собираются напасть на караван, который пойдёт через Джунгарию в Китай.

— Надо же... — Михайлов задумался. — Далековато от города, вот что скажу. Чуть менее сотни вёрст. Вроде для них и хорошо должно быть. Но туда добираться целый день надо, а то и больше, если настигнет ненастье или попадёшь в распутицу. Да и место не совсем удобное для такого дела. А это совсем нехорошо... для них. Летом воды нормальной почти не найти, всё больше солёная. Рядом всего одна деревушка маленькая, и там только два колодца. Два года назад был там. Может, сейчас ещё где-то колодец вырыли, но не знаю, а так... Много лошадей, за раз толком и не напоить, а они не верблюды, чтоб без воды обходиться. Единственное, что хорошо, так это то, что можно потеряться у зенгорцев, но туда ещё нужно дойти с награбленным добром. Только там сплошная степь, и погоня, если таковая будет, быстро настигнет. Доведись мне, я бы встретил караван вот здесь, — он показал место на карте. — Гораздо удобнее. Леса, горы недалеко, речки... И потеряться легче, если перегрузить награбленное на вьючных лошадей. И догнать будет трудно. Тяжёлая конница пойдёт медленнее, можно оторваться и уйти прямо в Китай. Там всё скупают, обязательно скупают. Цену скинут, конечно, но заберут всё и сразу, чтобы перепродать вдвое дороже у себя. А кто сказал, что там?

— Господин бригадир, а ему сообщили купцы, которым доложил свой человек.

— Кто таков, не говорят?

— Нет.

— Странно, за два года ничего подобного не было, а тут... даже и не знаю. И откуда такой добрый взялся? Однако начальству виднее. Какова моя задача?

— Наша задача, уточняю, по высочайшему распоряжению, — я поднял палец кверху. — Я остаюсь за командира гарнизона и обязан обеспечить охрану крепости и порядок в городе. Твой отряд тоже, как и две дежурные смены крепостной охраны. Будут ходить в караул через сутки, как у нас командир говорил, «через день на ремень». Артиллеристам выдаём припасы в двойном количестве. Держать всё возле пушек и самим быть там тоже.

— Не густо, однако. Справимся, не впервой. Когда полк выступает?

— Сегодня в ночь.

— Понял. У меня часть казаков — люди семейные, живут в городе. Прикажу всех собрать в казарме.

— Спать одетыми, сапог не снимать, лошадей и оружие подготовить так, чтобы можно было сразу выступить по моему приказу, — добавил я.

— Однако что-то знаете, господин подполковник, только отчего-то не говорите, — сотник пригладил бороду.

— Если бы знал, сказал бы, пока только предположения, а они таковы, Валерьян Семёнович. Перед нами законченные злодеи, но люди далеко не глупые, иначе давно бы всех изловили. Либо разбойники нападут там, где вы указали, господин сотник. Либо нападут на город, либо случится ещё что-то, чего мы пока не знаем. Я тоже буду вместе со своими — ординарцем и вестовым — в казарме. Оденемся, как казаки, чтоб народ не смущать.

— И я со своим отрядом, от греха подальше.

Сколько раз убеждался за годы службы, манёвры и строевые смотры — это одно, реальность — нечто иное. Хотя если бы их не было, всё выглядело бы ещё хуже и армия напоминала бы великана с огромной дубиной, у которого руки и ноги действуют сами по себе, отдельно от головы. Существо непредсказуемое и весьма опасное, прежде всего для самого себя.

Суета, как и положено, началась задолго до назначенного времени выхода в рейд. То одно потерялось, то другое ещё не собрали, то третье оказалось неготовым. Когда, наконец, с криками и бранью колонна выдвинулась из крепости, на востоке небо уже начало светлеть. Всё это мне напомнило то, как мы с обозом Каракозиса отправлялись из Парижа, только народу здесь было гораздо больше и неразберихи тоже.

После того как тяжёлые ворота с грохотом и скрипом закрылись за последним всадником, я, как положено, сделал обход крепости вместе с Михайловым. Каких-либо больших недочётов мы не заметили. Все и всё оказались на своих местах, за исключением кое-какой мелочи. Где-то канонир отлучился по нужде, где-то казак снял сапоги, чтобы высушить портянки, где-то лошадь увели к кузнецу из-за того, что отвалилась подкова. День прошёл, как обычно. Мой осмотр дал свои результаты, и вечером всё и все оказались там, где и должны быть, каждый на своём месте. За ночь я не сомкнул глаз, но было на удивление тихо. Даже ночные птицы вопреки своему обыкновению в этот раз молчали, будто их совсем не было здесь.

Неужели я ошибся, и Крофт оказался прав? Хорошо, если так. Для дела хорошо, для меня не очень. Начинать службу на новом месте, и вот так?! Ни авторитета, ни заслуг мне это не добавляет. После обеда глаза стали слипаться сами собою, видимо, сказалась бессонная ночь. Я распорядился, чтобы казаки тоже немного отдохнули. Сам прилёг там же, в казарме, на топчане за суконным одеялом, натянутым вместо ширмы, и мгновенно уснул без всяких сновидений. Вот только лежать почему-то оказалось неудобно, вдобавок небольшая подушка под головой время от времени сама собою почему-то толкала меня в щёку. Наконец я открыл глаза, рядом стоял Этьен и теребил эту самую подушку.

— Господин подполковник, проснитесь, Михайлов поднял всех по тревоге. Послал за вами.

— Что случилось? — я поднялся с топчана.

Ко мне подошёл сотник.

— Господин подполковник, я объявил тревогу. Пойдёмте со мной.

Вскоре мы были в комнате полкового лекаря, где на длинном столе лежал молодой мужчина без рубахи, и медик обрабатывал его раны, бурча что-то себе под нос. Судя по озабоченному лицу врача, дела раненого обстояли далеко не блестяще. Он корчился и стонал от боли, но помощник лекаря крепко держал его за руки.

— Потерпи, милый, сейчас легче будет, вот только перевяжем, чтобы кровь остановить, и полегчает, — доктор завязал бинт.

— С ним можно говорить? — я кивнул на раненого.

— Попробуйте, только быстрее, пока он в памяти.

— Кто ты и почему здесь?

— Я приказчик купца Луки Фёдоровича Бессонова, зовут меня Василием.

— Что случилось?

— На нас напали разбойники, много разбойников, — парень застонал. — Наверное, больше сотни.

— Где напали?

— Тут, недалеко от города, в пяти верстах село Осокино, на берегу Иртыша. Там у нас лабазы и амбары с товарами, хозяйство Луки Фёдоровича. Сторожей, которые не успели убежать, изрубили в куски. Мне повезло, собрался в город на ночь. Меня не увидели, да только пуля шальная догнала, — он замолчал и тяжело закашлялся.

— Выживет? — поинтересовался я у врача.

— Бог даст, и жив останется, а так — никто не знает.

Теперь понятно, что не лазутчик. Тому бы прострелили руку или ногу для убедительности, но никак не грудь.

— Сотник, срочно выступаем. Кроме вашего отряда два взвода драгун из резерва. В крепости вместо меня остаётся командир роты.

— Слушаюсь, господин подполковник.

Через несколько минут наш отряд уже шёл рысью по улицам ночного города. Оказавшись за его пределами, мы прибавили ходу, и вскоре перед нами было то самое село Осокино, где творилось что-то непонятное. Несмотря на поздний час, по единственной улице бегали люди с факелами, стоял невообразимый шум, и отовсюду раздавались крики.

— Деревню берём в кольцо и заходим группами по пять-шесть всадников. При сопротивлении врага уничтожать. Вперёд!

Однако при нашем появлении факелы быстро погасли и суета стихла. Противник словно затаился, ожидая нас. И только потом стало ясно... лодки, они стояли возле берега, и разбойники в темноте кинулись к ним. После крики, шум, ругань, шлепки вёсел по воде, и десятка полтора больших плоскодонок отошли от берега, двинувшись поперёк течения и исчезая в ночном тумане, повисшем над водой. Лишь несколько человек металась по песку в надежде найти хотя бы какую-нибудь посудину, чтобы сбежать. Они кричали изо всех сил, но тщетно, никто не собирался их спасать. Те, кто бросился в воду в надежде уйти вплавь, были тут же застрелены, а оставшиеся быстро сбились в группу и заняли круговую оборону.

— Сдавайтесь, всё равно вам конец, — крикнул Михайлов.

Однако никто и не думал складывать оружия. Такой ожесточённой схватки я давно не видел. Казаки тоже были удивлены. Даже при кратном численном превосходстве наших бойцов, даже при том, что они имели длинные пики, разбойники бились настолько ожесточённо, будто в них вселились бесы. И всё равно... Когда их осталось трое, Михайлов вновь посмотрел на меня.

— Может...

— Только живыми, — отрезал я.

— Понял, сделаем, не впервой, — петли арканов завертелись в воздухе.

Вскоре все трое лежали на песке связанными по рукам и ногам. Меня поразили их лица. Точнее, это были даже не лица людей, а какие-то злобные неживые маски демонов, которые время от времени сводила судорога. Их загрузили на подводку, словно брёвна. Однако они не переставали кричать, ругаться и дерзить, наверняка зная о том, что им грозит виселица. Один из них, нагло хохоча, мне даже пообещал скорую расправу от Кузьмы Пришибина, их главаря, которого в народе называли «топором». Он виртуозно владел этим оружием, несмотря на невзрачный вид, и самолично расправлялся со своими врагами, снося их головы одним ударом. Говорили, что он попадал в цель размером с детскую ладонь с двадцати шагов своим грозным оружием. Однако дальше произошло что-то совсем непонятное. Вскоре крики и вопли превратились в какое-то неясное бормотание, перешедшее громкий храп. Все попытки разбудить пленных так ни к чему не привели.

— Диву даюсь, — Михайлов плетью поправил папаху. — Всякое видел на своём веку, но чтобы такое?! Первый раз, и не пьяные вроде, перегаром не пахнет.

С восходом солнца открылась истинная картина нападения. Мы насчитали более десятка местных крестьян, которые погибли от рук разбойников, в том числе двух женщин и мальчишку годов десяти. Амбары и лабазы оказались взломаны и разграблены, их готовились сжечь, чтобы замести следы, а заодно с ними спалить и всю деревню. Возле многих домов уже лежали кучи хвороста. У нас потерь практически не было, если не считать троих легко раненых казаков и одного драгуна. У разбойников — шестнадцать убитыми, половина из которых по виду были степняками. Троих мы взяли в плен. Убытки, которые получил купец Бессонов, были весьма существенными. Однако наше появление в деревне, скорее всего, спасло его от полного разорения.

К полудню отряд вместе с пленными возвратился в крепость. Мне предстояло учинить допрос с пристрастием, чтобы узнать у пленных всё, что возможно, однако этого не понадобилось. Как только разбойники пришли в себя, меня крайне удивила перемена, случившаяся с ними. Теперь передо мной были обычные деревенские мужики, которых трясло от страха крупной дрожью. Они прекрасно понимали и то, где они, и что натворили, и что за это им грозит. Сейчас они были готовы на всё, только бы остаться в живых, и потому говорили без умолку, перебивая друг друга. От злобных демонов, готовых безо всякого колебания даже на верную смерть, не осталось и следа.

— Молчать! Будете говорить, когда спрошу. Сотник, развести всех по разным комнатам, этого первым на допрос, — я кивнул на здорового мужика с фиолетовым фонарём под глазом.

Через несколько минут всё было готово. Своё место за столом занял полковой писарь, невысокий, немного тучный унтер-офицер в круглых очках, который разложил на столе бумаги и перья, открыл чернильницу и приготовился записывать.

— Писать, что скажу и когда скажу, это понятно?

— Так точно господин подполковник, — писарь поднялся с места. — Не в первый раз. Только просил бы быстро не диктовать, перья нынче никудышные, ломаются.

Процедура допроса прошла гораздо быстрее, чем можно было ожидать. После обязательных вопросов о том, кто передо мной и откуда родом, я спрашивал, сколько разбойников, кого и когда грабили, кто наиболее отличился в набегах, кто помогал и так далее. Часа через три мы знали, что конных в банде более полусотни человек: половина — беглые крестьяне и рабочие с уральских заводов, а вот другая половина — казахи и зенгорцы, которые прибились к банде за несколько последних месяцев. Они-то и отличались особой лютостью при набегах, что вызывало неудовольствие даже у соратников и самого главаря. Он прекрасно понимал, что жестокость по отношению к простым людям равна смертному приговору, только с отсрочкой. Озлобленные люди обязательно расскажут властям, где скрываются разбойники. Поэтому последний набег никак не походил на привычные дела банды, что-то было в нем не совсем обычное.

Видимо, Кузьма Пришибин собирался заканчивать свои похождения в этих местах. Только откуда в банде появились кочевники? Раньше такого никогда не было. Более того, до последнего времени бандиты вели себя, как обычные звери, в прямом смысле. Стоило кому-нибудь начать промышлять не на своей земле, тут же следовала расправа от конкурентов. Как всегда, побеждает сильнейший. Сейчас же перед нами был некий союз, с которым бороться куда сложнее, чем с обычными разбойниками. Судя по всему, у них были свои люди и здесь, в городе, и среди зенгорцев, и среди казахов. Кто догадался собрать воедино всю эту разбойничью братию? Ответ нашёлся совершенно неожиданно, когда я спросил, как так вышло, что на берегу они бились, как матерые волки, а потом спали в подводе, как невинные дети?

— А чего такого? — сидевший передо мной со связанными руками разбойник, который назвался Лёнкой Пантелеевым, даже удивился. — У нас свой лекарь есть с помощником. Они

и лечат нас — раны зарастают, как на собаке. А перед боем все пьют этот, как его... эликсир. Когда погоня за нами, так и лошадям даём. Только надо, чтобы свежий был. Если день прошёл, от него никакого толку, лекари сами говорили. Как они его готовят и из чего, нам неизвестно. Но у них всяких баночек и мешочков разных целая куча, сам видел, и что там, знают только они.

Вот оно как! Даже лошадям! То-то казаки догнать не смогли! И откуда же такие медицинские светила объявились среди головорезов, когда на весь гренадерский полк только двое лекарей с помощниками?

— Кто такие? Русские? Китайцы? Зенгорцы? Казахи?

— Кто же его знает, барин? На степняков и китайцев никак не похожи. По-нашему говорят понятно, но не наши, это точно. Слышал, как они меж собой на каком-то тарабарском языке говорили. О чём? Мне не понять.

— Ещё раз спрашиваю: откуда взялись эти лекари в вашей банде? — этот вопрос я задал на французском. Судя по круглым от удивления глазам, попал в точку.

— Во-во, барин! Что ты сказал, мне неизвестно, но они, однако, также и говорили.

— Как одеты? На кого похожи?

— Так же, как и все остальные, одевались, а похожи... — разбойник задумался. — Люди как люди, лицом не знаю, потому что ни разу никто не видел. Всё время на них какие-то рожи бесовские были надеты, смотреть противно. Волосья, как у баб, не стригут, что ли, и кудри завивают, однако бород не носят, но мужики, это точно. С саблями управляются не хуже нас с тобой, сам видел. И ещё у них есть этот... не знаю, как сказать... Лук с прикладом, наподобие ружья, стрелы короткие, толстые, любую кольчугу пробивают.

— Арбалет?

— Ага, так и говорили меж собой. И стреляют хорошо. Один держит шапку на сабле, а второй её шагов с пятидесяти стрелой снимает. Они так делали всё время у нас на виду. Кузьма нарочно просил. Потом так и сказал: ежели побежит кто, сами видели, больше трёх шагов не сделает. Барин, а что мне будет?

— Я не суд, не я решаю. Ты знаешь, и за меньшие грехи вешают, а за тобой их ой как много!

— Так я же конюхом был и поваром, людей не убивал, — глаза разбойника забегали. — Я же...

— Ну да, знаю, только твои дружки тоже сплошь конюхи, повара да в кучерах ходили, а тогда на берегу казаков было втрое больше, и то кое-как повязали.

— Так это всё зелье проклятое! Не губи, барин!

— Увести! — распорядился я.

Вот это лекари! И бьются исправно, и из диковинного арбалета в шапку издали попадают, и на французском говорят свободно, и маски постоянно носят, чтоб никто лица не видел, и зелье дают разбойникам, чтоб не боялись ничего и сильными были. Изловить бы хорошо, да только как? Однако то, что говорили Крофту об иноземцах, получило подтверждение, в отличие от коллективной жалобы местных купцов, которые появились к вечеру у ворот крепости.

— Господин подполковник, купцы просят принять, — доложил Михайлов.

— Что надо?

— Точно знать не могу, но слышал, опять с жалобой.

— Хорошо, через полчаса жду у себя в кабинете этих ябедников. Только сделай так, чтобы я не был похож на француза, что стоял на строевом смотре рядом с казармой.

— Однако задача, — Михайлов почесал бороду. — Казачья форма — это обязательно. Папаху надвинем на самые глаза, можно вдобавок надеть повязку на левый глаз и в ней сделать небольшую дырку, чтоб удобнее было. И перчатки наденьте обязательно.

— Зачем это?

— Так барина и по рукам узнать можно. Я хотя и сотник, а вот, — он сжал здоровенный кулак. — Сразу определяют, что из господ будете. А так, ежели спросят потом, почто господин в перчатках, скажем, что руки больные. Тут такое бывает иногда. Болезнь какая-то, пятна на коже, но не заразная.

Вскоре на моём месте сидел одноглазый казак в папахе и потёртой полевой форме. Когда делегация вошла в кабинет, купцы, мягко говоря, удивились, не веря своим глазам. Возглавлял это шествие Лука Фёдорович Бессонов, мужчина средних лет, одетый соответственно своему положению и ситуации в длинный сюртук и шаровары, заправленные в до блеска начищенные хромовые сапоги с широкими голенищами.

— Господа купцы, я — заместитель начальника гарнизона подполковник де Вильнёв Томас Томасович, приветствую вас в крепости её величества нашей государыни императрицы. Что вас привело сюда в этот час?

Сказал я это на французском языке, отчего купцы совершенно опешили.

— Не поняли, господа хорошие? — я перешёл на русский. — А чего же так-то? Тогда скажу по-нашему, чтобы понятно было. Это прекрасно, что сами пришли. Мне конвой отправлять за вами не придётся.

— Позвольте!.. — Бессонов приподнялся с места. — По какому праву?!

— А вот по этому, — я достал из стола их жалобу. — Только за это вас всех можно обвинить в государственной измене и никак не меньше. А что за это полагается, знаете? У кого память короткая, объясняю: самое малое — каторга. Кто догадался? Быстро, как на духу! Губернатору написали? Если так, то ничем помочь не смогу, ждите следствия, а уж оно будет справедливым и строго по закону, за это отвечаю!

Купцы были явно обескуражены.

— Господин подполковник, — Бессонов поднялся с места, — не вели казнить, бес попутал.

— А может, бесы, сразу двое? А? С длинными кудрявыми волосами и без бород?

— У-у-у! Отродье каторжанское... — Бессонов схватил за грудки сидевшего рядом шуплого рыжебородого мужика и замахнулся кулачищем.

— Отставить! — скомандовал я. — Мне решать, кто виноват и в чём. Сел на место! Быстро! — Когда страсти поутихли, я продолжил совершенно спокойно. — Теперь по порядку. Как случилось, что своими стараниями, господа негоцианты, вы могли погубить и себя, и целый город?

— Это всё он, — Бессонов с ненавистью посмотрел на соседа. — Точно знаю, изловить надо, кто говорит?

— А почему поверили? Почему не проверили? Почему сразу побежали петицию писать?

— Так ведь мы... как лучше хотели.

— А получилось? Вот именно, каждый должен быть при своём деле. Вас никто не учит, как и чем торговать. И вам незачем учить государевых людей, как службу исполнять. Жалобу губернатору уже написали?

Купцы переглянулись.

— Написали или нет?

— Написали, — Бессонов опустил глаза.

— На что жаловались?

— За сегодняшнее, господин подполковник.

— Все свободны, — распорядился я. — Обождите в казарме, Бессонов пусть останется. После того как купцы вышли, я снял папаху и повязку с глаза. Однако Бессонов не особенно удивился.

— То-то, голос знакомый, только узнать не смог, — он прищурился. — Ловко, однако.

— Нужда, Лука Фёдорович, она самая. А головой подумать, никак? Вроде бы и люди неглупые по занятиям своим, дураков торговля не потерпит, а такое... Объясняю коротко. Если бы я делал всё только по приказу, ты бы, Лука Фёдорович, без штанов остался, и ко мне никаких претензий бы не было. Хотя нет, ты вряд ли всё в одном месте держишь. Только людей жалко. Если бы не твой приказчик Василий, который к своей девке в город на ночь собрался, да наши казаки, которые лошадей не рассёдывали, злодеи спалили бы все твои склады и деревню в придачу, а потом могли свалить всё на степняков. И с кем разбираться? С ними? И вы ещё тут со своими бестолковыми претензиями под ногами крутитесь. Как думаешь, зачем я устроил весь этот маскарад? — я кивнул на папаху и повязку, лежавшие на столе.

— Ну, так ведь, дело такое, Томас Томасович, не мне судить, но что-то изволите хотеть, да так, чтобы не все знали.

— Именно так. Глаза и уши в нашем деле лишними не бывают, — ты убедился. В этот раз просто повезло, но такое не всегда случается. У тебя люди по всему краю, и мне надобно знать то, что знаешь ты касательно наших интересов. Кто и чем занимается, кто и что говорит, кто что задумал и тому подобное. Всё это лишь для того, чтобы люди жили спокойно, не боялись по дорогам ездить да вечером знали, что проснутся утром. Я понятно говорю?

— Куда уж понятнее, — Бессонов нахмурился.

— Неприятно про своих братьев докладывать? Знаю, только другого нет. Либо мы знаем, либо про нас знают. Что сюда пришло, в этих стенах и останется, за это ручаюсь. Не первый день на службе.

— Хорошо, если так. А то ведь разное бывало, — купец вновь отвёл глаза.

— Дубов?

— Ну да. По пьяному делу иногда болтал лишнее, оттого с ним никто не хотел никаких дел иметь.

— Чтобы был интерес обоюдным, людям, которые нам помогают, будем приплачивать. Немного погодя сам схожу с твоими караванами и к зенгорцам, и к казахам, и к китайцам. В торговых делах кое-чего понимаю, могу быть счетоводом, приказчиком или ещё кем. Возьмёшь на работу за разумную плату?

— А куда же я денусь, ваше благородие? — Бессонов усмехнулся. — Надо только, чтобы обличье было наше, уж постарайтесь, а то офицера видать в любом кафтане.

— Это ещё не всё. Нам надо, чтобы и о нас знали те, кто нам нужен, именно то, что нам надо.

— Больно мудрено, господин подполковник, но понимаю о чём. А вот за это и головой можно поплатиться. Тут как сказать...

— Думать надо, вот так и скажу, чтобы своя голова на месте осталась. А сейчас ответь честно, отправили новую жалобу в губернию или нет?

— Есть такое дело, — Бессонов заёрзал на месте. — Сегодня утром, как только узнали, что в Осокине приключилось, а первый раз ничего такого, не подумайте, только разговоры были, чтобы подтолкнуть господина бригадира.

— Что удалось, то удалось! Господин Крофт очень рад будет! Чует моё сердце, зря он такую облаву устроил. Кто же это надоумил? Опять этот... Как ты его обозвал — отродье каторжанское?

— Он самый, Игнашка Лаврентьев, у него отец родной из ссыльных. За провинности из Пскова сюда отправили. Этот вроде бы умнее должен быть, глядя на батюшку своего, а смотрю, туда же. Жадность обуяла вместе с дурью. Яблоко от яблони...

— Ох, поторопились! Если не хотите по этапу уйти, делай что хочешь, делай, как хочешь, но перехватите свою жалобу. Сам понимаешь, такая бумага пахнет кандалами для всех вас... писатели.

— Можно я пойду? Время дорого, — однако я почувствовал какую-то неуверенность в его словах.

— Сомневаешься, Лука Фёдорович, в том, что говорю?

— Нет, зачем же? Если доверия нет, то нечего голову морочить ни себе, ни людям. Тут другое, не знаю, как и сказать.

— Как есть, так и говори.

— Дело такое, перед тем как мне сюда прийти, мой человек вернулся из села Батурино, что на торговом пути. Он сказал, что господин комендант с войском уже возвращается и будет в городе не ранее завтрашнего вечера.

— Что-то долго.

— Вот и я про то же. Человек видел, как драгуны едут не верхом, как туда, а на подводах, человек по десять в каждой. Колонна тащится, как черепаха.

— И с чего бы?

— Откуда же мне знать, господин офицер? Что видел, то и сказал, а уж вы думайте сами. Однако пора, разрешите? — Бессонов поднялся с места.

— Конечно! Что сказать своим соратникам, сам знаешь, только Игнашку сильно не надо... Ещё сгодится. Если что-то вдруг интересное узнаешь, отправь посыльного в крепость, пусть на словах передаст только лично мне. Охрану предупрежу, чтобы пропустили и меня разыскали. Но больше никому и ничего... Понял?

— Чего же не понять, так и сделаем, господин офицер.

Странно, от деревни, где видели драгун, до города самое большое полдня хода для кавалерии, а тут — какие-то подводы? Откуда? Зачем? Понятно, если бы в них были раненые, но десять человек на одной телеге никак не уместится. Завтра Крофт сам расскажет, что случилось, а пока надо распорядиться приготовить сытный ужин на всех, истопить полковую баню и навести надлежащий порядок в казармах и на конюшне. Уходили-то в спешке, и это заметно с одного взгляда. Сначала мои распоряжения вызвали недовольство у части солдат, но унтер-офицеры и фельдфебели быстро навели порядок, и все взялись за дело. За повседневной суетой и заботами время пролетело быстро, и к следующему вечеру и казарма, и конюшня сверкали чистотой и порядком, баня была натоплена, как положено, и с кухни доносились ароматы свежеприготовленной пищи. Я распорядился заново разметить строевой плац извёсткой, другой краски просто не было. Когда там появились ровные квадраты и стрелки, обозначенные белыми линиями, больше всего этому обрадовались именно младшие чины. Один унтер-офицер так и сказал:

— Наконец-то, господин подполковник.

— Что наконец?

— Я про то, что нам легче солдат учить, как шагать в строю, а то ведь многие не понимают нормального командирского языка, вот и приходится орать да руками объяснять... А тут вот оно, — он кивнул под ноги. — Сразу видать, куда повернуть и где стоять. Жаль ненадолго, извёстка всё же, зато как надо, — он подкрутил усы.

Глава 3. Наживка с сюрпризом

Колонна, как и говорил Бессонов, появилась лишь к следующему вечеру. Сразу бросилось в глаза, что экспедиция прошла неудачно. Солдаты были хмурыми и уставшими, офицеры — злыми и все в пыли, а Крофт, приняв рапорт Михайлова, который был дежурным по гарнизону, только махнул рукой и распорядился, чтобы я был у него в кабинете через час. В назначенное время я вошёл в кабинет бригадира и был немало удивлён его видом: передо мной вновь сидел строевой офицер в отглаженном мундире, тщательно выбритый, от которого даже пахло одеколоном. Поймав мой взгляд, он заметил:

— Командир есть пример для подражания подчинённым, ему не положено давать волю чувствам и выглядеть, как половая тряпка, иначе и подчиняться никто не будет. Однако благодарю за то, что позаботились о солдатах и достойно поддерживали порядок в моё отсутствие. И ведь всё вовремя сделали, будто знали, когда прибудем.

— Действительно знал, ваше превосходительство. Как? Люди доложили. Какие? — я сделал паузу.

— Полно, господин де Вильнёв. Уговор наш помню. Давайте к делу.

Я рассказал о том, что произошло в Осокине, и положил на стол протоколы допросов. Чем дальше Крофт читал их, тем более суровым становилось его лицо.

— Вот злодеи! Сколько народу погубили! Надо было их там, на месте... В назидание другим, чтоб неповадно было!

— Тогда бы не узнали того, что сейчас известно, а суд — дело такое. Какой приговор будет, тот и будет исполнен. Более того, я бы предложил одного из них, — я кивнул на протоколы, — вообще отпустить с миром. Только так, чтобы никто не понял, что это по нашей воле. Пусть расскажет своим собратьям то, что надобно именно нам. Сыграем на их жадности, а она, как известно, губит. Всё следует хорошо подготовить, чтобы не сорвалось, поэтому просил бы три дня, чтобы закончить свои опыты; кое-что получается, осталось совсем немного. Но сейчас хотел бы знать во всех подробностях, что случилось во время рейда, чтобы нам не допускать ошибок.

— А-а-а... — Крофт махнул рукой. — Мои ошибки, мне и отвечать, если приедет комиссия из губернии. Купцы-то жалобу написали.

— И написали, и отправили, и послали гонца, чтобы перехватил и вернул. Уговорил я их, не пугал, но предупредил, что если комиссия будет здесь, то и с них спросят, как так случилось, что по их милости едва город не разграбили, потому что именно они представили ложные сведения? У нас же времени не было, чтоб перепроверить, а это можно понимать как измену, за которую и на каторгу запросто.

— Надо же, как повернули! Ни за что бы не догадался. И всё же, что предлагаете?

— Как и раньше, только сейчас козырь у нас в виде пленных. Между делом кто-нибудь из моих слуг при них сболтнёт, что этот француз, ваш родственник, человек жадный, но богатый, один перстень с чёрным камнем, — я показал свой палец, — стоит целого состояния, вдобавок деньги свои таскает при себе от вредности своей и собрался посетить озёра солёные, Чанами называются, потому что там живности всякой немерено. Хочет поймать какую-то редкую птицу и сделать чучело. Это всё дойдёт до кого надо, и если я прав, то и проводник отыщется быстро и за копеечную плату. Сейчас хотел бы знать, что же всё-таки произошло?

— Резонно, господин де Вильнёв. Для меня хороший урок. Смотры — смотрами, однако буду время от времени поднимать полк по учебной тревоге. Сами видели, как мы выходили в рейд. Да и господам офицерам будет, чем заняться, чтоб не зря казённый хлеб с маслом ели. А случилось вот что. Мы почти добрались до места, где предполагалось устроить засаду. Остановились на ночь. Всё было, как обычно. Я приказал костров не разжигать, чтоб не дать заметить

себя. И всё вроде бы нормально было, а потом у нас в лагере шум начался. Только представьте: драгуны третьей роты передрались меж собой! Да ещё как! Хорошо, что друг друга не изрубили на куски. Пришлось силу употребить, но то ли от шума, то ли ещё от чего лошади разбежались. Потом вернулись, но почти пятую часть так и не поймали. Этим самым мы выдали своё месторасположение. Вот такой конфуз случился. Обратно наша конница добиралась на подводах, сами видели. Позорище-то какое! И как с такими воевать?!

— Позвольте поинтересоваться, а как спали?

— Простите, кто?

— Солдаты, конечно.

— После скандала спали как убитые. Вымотались драгуны. Хотел подвергнуть телесным наказаниям после прибытия в крепость, да некоторые сомнения имеются. Командир у них опытный, и они не первый день форму носят, даже не пойму, как так случилось?

— Кажется, догадываюсь, господин бригадир. Разбойники, которых мы повязали, вели себя почти так же. Они употребляли эликсир, который им готовили какие-то иноземные лекари, по их словам. Даже лошадям давали, чтобы те не уставали. И это у разбойников?! Если кто-то знал о вашем маршруте и о том, где будет стоянка, то могли и в колодец с водой добавить какой-нибудь гадости. Травить до конца не стали, знали, что самим может пригодиться, там с питьевой водой проблемы, как мне говорили. Эликсир теряет свои свойства со временем. Эти самые лекари своё дело знают очень хорошо.

— И кто бы это мог быть? Как думаете? Откуда в этой глуши им взяться?! Сами знаете, вон сколько аптекарей перебрали, пока нашли то, что надо, а это колдовством пахнет.

— Пока не знаю, будем искать. В такое колдовство не особенно верю, а вот на химию очень даже похоже. Завтра, как говорил, хочу испытать свои хлопушки, если позволите.

— Конечно, хотел бы сам присутствовать при этом.

Из имеющихся реактивов у меня получилось две хлопушки, которые я хотел испытать, и рассчитал всё так, что, если мой эксперимент пройдёт успешно, сделаю ещё несколько штук, но с более сильными зарядами. С собой взял Этьена и Матвея. Крофт и Михайлов приехали вдвоём без всякой охраны. Таково было решение самого бригадира.

— Незачем кому-то знать до времени, что мы тут придумываем, уже наученные, — Крофт постучал себя по лбу.

Погода нам благоволила — к обеду небо затянуло тучами. Когда мы собрались возле небольшого оврага за городом на берегу Оми, я коротко рассказал, какой эффект должен быть и что надо делать, чтобы безопасно применить моё изобретение. Если коротко — заткнуть уши и зажмурить глаза. Потом дёрнул торчащий из коробки шнур и бросил хлопушку на дно оврага. Через три-четыре секунды внизу вспыхнуло ослепительное пламя и раздался оглушительный грохот. Потом Этьен повторил мои действия. Правда, произошло недоразумение, которое ещё раз подтвердило эффективность этого изобретения. Заряд, брошенный Этьеном, почему-то сразу не сработал. Мы подошли к краю оврага, чтобы посмотреть, что случилось, но тут раздался оглушительный взрыв, сопровождавшийся яркой вспышкой. От этого у нас на некоторое время заложило уши, а дневной свет просто померк. Немного придя в себя, Крофт сказал:

— Сейчас вижу, вы не зря потратили время. Делайте всё, как сочтёте нужным. Суд, в котором я председатель по своим обязанностям, собираем послезавтра.

Через полчаса мы уже были в крепости, а ближе к вечеру меня разыскал посыльный и доложил, что возле ворот господина подполковника по секретному делу спрашивает какой-то мальчишка, которым оказался подросток лет тринадцати-четырнадцати. Его лицо показалось мне знакомым.

— Уж не Василия ли родственник? — поинтересовался я, когда мы зашли в мой кабинет. — Садись, — я кивнул на табурет возле стола.

— Брат родной, младший, Павлом зовут, — мальчишка заёрзал на своём месте. — Красиво тут у вас, чисто, а это кто? — он кивнул на портрет императрицы, висевший на стене. — Ваша матушка?

— И твоя тоже.

— Как это?

— Это матушка всех своих подданных — государыня, российская императрица Елизавета Петровна.

— Надо же, а похожи, — он ничуть не смутился.

— Как Василий?

— Слава Богу, барин, легче стало. Лука Фёдорович из города лекаря привёз, сейчас у нас живёт. Сказал, пока Васька не поправится, не отпустит.

— Рассказывай, с чем пришёл, Павел?

Мальчишка пододвинулся ближе и, понизив голос начал:

— Велено было передать, барин, чтоб никто не слышал...

— Говори спокойно, тут мы одни.

— Так вот... Сегодня на берегу Омки, в овраге, что-то непонятное стряслось. Бабахнуло так, что пастух потом коров долго собирал по округе, одного телёнка так и на нашли. Со страху разбежались.

— Так может, молния, гром?

— Нет, молния — это когда полыхает наверху и гром с неба, — он перекрестился. — А тут бахнуло внизу, в самом овраге, и два раза подряд. Во как! А ещё там пятерых конных видели. Кто такие — не знаем, но одеты, как казаки. Потом туда, в овраг, человек спускался, говорит, с кустов все листья сшибло, но ни убитых, ничего такого там больше не нашёл, только заяц один дохлый валялся. Так было велено и передать.

Я достал из стола деньги.

— Отдашь Луке Фёдоровичу, скажешь, на поправку Василия. Смышлёный ты, читать-писать умеешь?

— Учусь, да не всегда получается. То некогда, то не у кого.

— А чтобы получалось, — я взял из стола пачку чистой бумаги и пару карандашей, — это тебе лично. Учись и помни: за одного учёного трёх неучей дают.

— Спасибо, барин, — мальчишка встал и поклонился. — Что Луке Фёдоровичу передать прикажете?

— Поблагодари от меня и скажи, что он всё правильно сделал. Ещё скажи, что мне известно, что там было на берегу Омки, и никакой опасности ни для кого не будет, за это ручаюсь.

Я вызвал дежурного, чтобы проводил мальчишку до ворот; незачем, чтобы нас видели вместе. Однако система потихоньку начинает работать, вот уже и Бессонов докладывает о том, что случилось. Даже проверил на месте, прежде чем отправить человека с известием.

Суд, как и говорил Крофт, состоялся через два дня. Приговор был вполне ожидаемым — виселица. Смертные приговоры выносились и по менее тяжким преступлениям, а здесь... Разбой на торговых путях, неоднократно сопровождавшийся жестокими убийствами. Только один последний налёт на Осоки-но чего стоил. Никто не удивился, когда господин бригадир зачитал приговор.

Осуждённых увели в темницу под их стоны, вопли и мольбы о помиловании, а нам предстояло решить, каким образом обставить запланированный побег, да так, чтобы всё выглядело правдоподобно. Я предложил осуществить правосудие именно там, где бандиты отличились особой жестокостью, в Осокине, о чём было объявлено сразу же. Однако в связи с тем, что в воскресенье был большой церковный праздник, исполнение приговора отсрочили почти на неделю. Это дало нам время основательно подготовиться, чтобы избежать всяческих случай-

ностей. Было решено по дороге к месту казни помочь одному из приговорённых совершить побег и сделать это так, чтобы всё выглядело вполне натурально. Главное, чтобы он сам не догадался, почему ему удалось вырваться на свободу. Для этого всего лишь нужно... совсем немного. Сначала «починить» телегу, на которой повезут преступников. Когда её подкатили к кузнице, кузнец очень удивился.

— Господин офицер! Я её две недели назад делал, что там такое могло поломаться?

— Ничего, сделай так, чтобы край вот этой скобы, — я показал на железку, соединяющую каркас, — немного торчал над доской и был очень острым, но чтобы это не бросалось в глаза.

— Зачем?

— Вот это не твоё дело.

— А там знают? — он кивнул на резиденцию Крофта.

— Обязательно. И там, и ещё шестеро, в том числе и ты.

Остальным не надо, всё понял? Не вздумай где-нибудь проболтаться!

— Да нешто я сам себе враг, господин офицер?! У меня трое малолетних детей, которых кормить надо. Как они без меня? Сделаем в лучшем виде, подходите после обеда, заберёте, — кузнец вытер руки о передник. — Петька, бегом сюда! — скомандовал он своему подмастерью, и через минуту телега была под навесом.

Самым сложным, как ни странно, оказалась подготовка представления, которое должны были разыграть Этьен с Матвеем под видом кучера и моего слуги, которым по нашему замыслу надо было между делом проболтаться, что чудаковатый, но жадный чужестранец собрался в экспедицию на озеро Чаны. Я даже расписал, кто, что и когда должен говорить. Этьен и Матвей днями напролёт зубрили фразы, но получалось совсем неубедительно. Терпение моё окончательно лопнуло, когда Матвей начал зевать во время репетиции.

— Слушайте, вы оба! Если не сделаете, как мне надо, в следующем месяце пойдёте в строевую роту маршировать. Не нравится у меня служить, служите, где хотите, но не у меня! А теперь ещё раз... Меня тут совсем нет, говорите, что хотите, но чтобы разбойники поверили! Всё поняли?! И смотрите мне! — я разразился отборной бранью, с которой хорошо познакомился за многие годы службы.

Такого от меня ни Матвей, ни Этьен никогда не слышали, и это произвело должное впечатление. Мои слова — это мои слова, но они — люди другие, и говорят иначе, и думают тоже. Это мне следовало понять сразу. Через несколько часов передо мной была пара актёров, которые смогли бы себе заработать на кусок хлеба, выступая в любом уличном театре. Из их диалога получалось, что я очень богатый человек, но законченный скупердяй, который ради своих бестолковых развлечений гоняет людей непонятно куда и зачем, но заплатить... Словом, зимой и снега на лопате не выпросить, как тут говорят. И вообще с ним пора расставаться, пусть ищет себе других баранов. Вот только съездим в эти несчастные Чаны, потом заберём своё, что заработали, и пусть идёт, куда хочет, со своей дурью на всю голову. А уж мы найдём, на кого горб ломать за деньги. Состоятельных людей, которым нужны толковые слуги, и здесь хватает, Этьен уже узнавал. Вон, и Луке Фёдоровичу Бессонову тоже люди нужны грамотные, в последнее время многих потерял. А чтоб и читать, и считать, да ещё и с другими делами управляться, — тут таких поискать надо днём с огнём. И так далее.

Утро четверга, на который была назначена казнь, выдалось хмурым и туманным. Никаких недоразумений в этот раз почти не было. Разве что телегу, в которой повезут приговорённых, подкатили немного позже. Кучером и моим слугой, которому было поручено «помогать в плотницком деле», там были Этьен и Матвей. Они переоделись для такого случая в обычную крестьянскую одежду, которая выглядела на них вполне естественно, потому что оба сами были из крестьян.

— Где вас носит? Заключённые уже готовы, у барабанщиков руки затекли в ожидании вас.

— Хозяин, оглобля разболталась, пришлось закрутить проволокой, чтоб не отвалилась в самый неподходящий момент. Сделали крепко, хоть до Москвы ехать можно.

Наконец под барабанную дробь из крепостной тюрьмы вывели осуждённых и усадили в телегу так, чтобы именно Лёнька Пантелеев оказался на краю, возле той самой заточенной скобы, которую накануне поставил кузнец. Зная, что им предстоит, Этьен попросил пистолеты для себя и Матвея.

— Хозяин, а вдруг их попытаются отбить свои?

— Не думаю. Если тогда бросили, хотя была возможность забрать, то зачем сейчас, когда могли проболтаться под пытками? Пистолетов не дам, чтоб не уложили беглеца по ошибке, но кинжалы спрячьте под одеждой. Обязательно посматривайте назад, чтоб никаких случайностей. Впереди будет пятеро казаков конвоя, позади столько же, и ещё взвод недалеко на всякий случай.

Под гул толпы, собравшейся у ворот крепости, наш конвой медленно двинулся по улицам города, сопровождаемый криками и проклятьями горожан. Я ехал в форме обычного казака в замыкающей пятёрке конных стражников. Город остался позади, и лошади пошли быстрее, вскоре перед нами показался поворот дороги возле затона Иртыша, где под крутым берегом рос густой камыш. Как было решено заранее, Михайлов со своими казаками рысью ушёл вперёд, якобы проверить дорогу, я немного приотстал, потому что в «кустах кто-то есть», и приказал двоим всадникам посмотреть, кто это там бродит. Подвода между тем медленно катилась по дороге, пока не скрылась за поворотом. Потом произошло что-то непонятное. Сначала послышались крики и шум борьбы, затем стоны и ругань, и когда мы оказались рядом, всё уже было кончено. На дороге вниз лицом весь в крови лежал Пантелеев, рядом бился в судорогах его товарищ, Этьен сидел возле телеги и зажимал рану на ноге, из которой сочилась кровь, Матвея нигде не было.

— Где Матвей?

— Там, под берегом, — Этьен кивнул вниз. — Живой?

— Не знаю.

Вскоре появился и сам Матвей. Он шёл, прихрамывая и тяжело дыша.

— Вот с... кто бы мог подумать! — Он крепко выругался.

Из-за поворота показался разъезд Михайлова, который спешил и подошёл к нам.

— Что случилось?

— Вот, — Этьен показал на нож, валявшийся на дороге, который был сделан весьма оригинально: длинное узкое блестящее лезвие очень искусной работы, посаженное на рукоять в виде обычного сучка. Ножны были такими же, сделанными из простой палки. Сразу три таких «палки» оказались в телеге.

— Эти, — он кивнул на тела, лежащие на земле, — достали незаметно и хотели нас со спины кончить, ладно Матвей заметил. Успели увернуться. Двоих положили, один ушёл в камыши.

— Как не заметили кинжалы?

— Так палки как палки, чтобы солома из телеги не вываливалась, кто же думал-то?

Моих слуг быстро перевязали, благо раны оказались неглубокими. Тела разбойников загрузили в подводу, и вскоре мы с Михайловым предстали перед господином бригадиром, который метал громы и молнии.

— Я не спрашиваю, господа офицеры, как такое могло случиться, но почему вы позволили этому произойти? — его взгляд сверлил нас насквозь. — Кто мог подложить оружие, вас спрашиваю? Кузнец?

— Исключено, господин бригадир. Я с ним говорил, когда подводу на ремонт ставили.

— Кто тогда?!

— Надо разбираться.

— Так идите и делайте своё дело! Или мне самому надо?! Так я могу и это! А ну за мной, на конюшню шагом марш!

При виде такой представительной делегации старший конюх вытянулся по стойке смирно. Комендант подошёл вплотную и схватил дюжего драгуна за грудки, да так, что тот приподнялся на цыпочки.

— Кто из посторонних у тебя был на конюшне вчера?! — гаркнул Крофт, пристально глядя в глаза. — Быстро, как на духу, иначе голову с плеч долой снесу. Ну?!

— Так никого не было, ваше превосходительство, — унтер-офицер начал заикаться от страха.

— А это как в телеге с арестантами оказалось? — перед носом драгуна появился узкий нож. — Ворона в клюве притащила?! Быстро отвечать!

— Не могу знать, ваше превосходительство.

— Под трибунал пойдёшь, если не скажешь!

— А кто из не посторонних был? — спросил я.

— Ну, так этот... Штабной писарь, фельдфебель Елистратов, по вашему приказанию, господин бригадир.

— Что?!

— Именно так и сказал, мол, ему велено осмотреть и подводу, и упряжь, и лошадей, и чтоб ни-ни!

Мы переглянулись. Елистратова в штабе на месте не было. Ушёл утром по нужде домой, как сказал дежурный. Начальник штаба отпустил по причине нестерпимой зубной боли. Он был из числа вольнонаёмных и жил в городе. Через несколько минут мы вместе с Михайловым и пятью казаками неслись по улицам к его дому. То, что мы опоздали, стало ясно, едва наша группа оказалась возле усадьбы. По двору бегал мужчина, хватался за голову и истошно вопил: «Караул! Убили!». Кого убили, нам уже было ясно.

— Господа хорошие! — хозяин повернулся к Михайлову. — Вот, полюбопытствуйте! Только с базара вернулся, а постояльца убили и дом ограбили!

Внутри действительно всё было перевёрнуто, а Елистратов... Елистратов, как живой, сидел на диване с открытыми глазами и, не мигая, равнодушно смотрел на всё происходящее вокруг. А вот это уже было! Я сразу вспомнил дом мэтра Франсуа в Париже, его самого и его слугу, от которого избавились, как только стал не нужен. Не особо оригинально, но очень надёжно.

— Поехали, — я кивнул Михайлову. — Отправь сюда подводу, чтобы забрали нашего шпиона. Здесь искать нечего.

— Отчего такая уверенность?

— Уже было. Эти не оставляют ни следов, ни тем более свидетелей, а перед тем, как оправить в мир иной, от него узнали всё, что надо, без всяких пыток. Они это умеют.

— Но зачем? Ведь он на них же и работал!

— Работал, да весь вышел и более стал не нужен, в седле такой долго не продержится, для них настоящая обуза. Оставлять тут нельзя, с собой взять тоже, вот быстро и приговорили, чтоб от греха подальше. С предателями никто не нянчится. Все одинаково заканчивают, только в разное время. Заодно и деньги забрали, что ему заплатили. Мне надо только с хозяином переговорить, чтобы не болтал лишнего. Велю говорить всем, что будто бы постоялец умер, объевшись мёда, такое иногда бывает с людьми тучными. Соседям пусть скажет, что перед тем, как помереть, он, мол, творил что попало в беспамятстве — такое тоже иногда случается. Вот и подумал, что ограбили, а когда мы приехали, всё стало понятно.

При докладе Крофту я кратко описал, что произошло с Елистратовым. На это господин бригадир заметил:

— Господин де Вильнёв, всё понятно, за исключением главного. Как вы оцениваете произошедшее?

— О провале пока говорить не стоит. То, что мы хотели передать Кузьме Пришибину, ему обязательно скажет не Пантелеев, так другой. Теперь никто не заподозрит, что такой побег был организован именно нами. Ножи не мы в телегу положили. Шпиона, который нас предавал, свои же и покарала. Жалко, допросить не успели, может, что-то интересное и рассказал бы. Однако всем будем говорить, что Елистратов скончался от естественных причин, объевшись мёда. Незачем людям знать, что нам в действительности известно о нём.

— Как-то не очень убедительно... — бригадир задумался. — Хотя сам знал человека, которого кое-как откачали именно из-за этого. Однако продолжайте.

— Мы также постепенно устанавливаем доверительные отношения с людьми, что здесь живут. Народу выгодно, когда спокойно и можно заниматься своими делами, не боясь никаких разбойников. Нам — тоже, заодно будем знать, кто и чем дышит, именно для того, чтобы здесь было тихо и мы могли отстаивать интересы Государства российского. Если я прав, то проводник для вашего родственника, то есть для меня, теперь отыщется достаточно быстро, и мы ещё раз напомним Пришибину о своих планах, но уже с другой стороны. Ключут, никуда не денутся. Жадные больно. Главным считаю захватить тех двух лекарей-иноземцев, о которых говорили разбойники. Вырвем эти сорняки, другие проще полоть будет.

— Ну, что же... Работайте дальше, главное, чтобы результат был.

После Крофта я отправился в кузницу. В конце концов, если узнать, кто изготовил такой интересный нож, то можно выяснить, и кто его заказал. Однако меня ждало разочарование. Кузнец очень заинтересовался клинком и попросил дать ему, чтобы сломать.

— Зачем?

— Ну, как же... Определим, что за сталь такая, и подумаем, кто бы смог её сделать.

После целого часа испытаний он развёл руками.

— Хоть убей, не скажу, ваше благородие. Но точно делали не у нас. Сталь и твёрдая, и лезвие держит, и гнётся, и не ломается. Впервые такое вижу. Во всём городе, да что там, и во всей округе нет таких мастеров, и материалов таких тоже нет. Вот смотри, — он поднёс лезвие к вращающемуся точильному камню. — Видишь, искры совсем крошечные, красные какие-то. Как будто и не сталь даже. Нет, наши так не делают. И на конце лезвия две маленькие дырки непонятно зачем. И как их делали? Такую сталь ни один инструмент не берёт, кроме камня. Если бы сделали заранее, а после закалили... не получится, ну не могу понять, как!

А я, кажется, понимаю, зачем эти две дырочки. Этьену и Матвею повезло несказанно в том, что они — люди простые, и никто не захотел на них тратить драгоценный яд, чтобы отправить в мир иной. Цели такой не было. Знакомый почерк. Чтобы не терять времени зря, я отправил казака-посыльного к Бессонову с просьбой о встрече в городе, без лишних глаз. Написал всё на бумаге и по прочтении попросил сжечь. Кузнецу заказал сделать два полена, чтоб из двух частей, и внутри была полость размером с его кулак, да так, чтобы снаружи всё выглядело, как обычные дрова. У врагов тоже учиться надо, если есть чему. Посыльный вернулся достаточно быстро и сказал, что завтра к полудню в крепости будет мальчишка, которого я знаю, он всё и покажет.

На следующий день я, как обычно, одевшись рядовым казаком, ждал возле ворот. Надо же такому случиться, не заметил, как какой-то младший офицер оказался рядом, и не отдал ему честь по уставу, чем вызвал его крайнее неудовольствие и желание отправить меня на гауптвахту за неуважение к офицерскому чину. Положение спас кузнец, который в этот момент проезжал мимо на телеге. Он подошёл ближе и, не обращая внимания на нотации поручика, просто сказал:

— Господин подполковник, вашу просьбу исполнил, можете забрать, когда пожелаете.

Поручик растерялся от такого обращения, не понимая, что ответить, а я просто сказал:

— Господин поручик, вы поступили абсолютно правильно, устав надо уважать; однако прошу ко мне в штаб в четыре часа пополудни, там и поговорим. Спросите подполковника де Вильнёва, а сейчас честь имею, — я отдал честь. — И не стоит никому не рассказывать о моей оплошности.

— Так точно! — поручик вытянулся по стойке смирно, чем вызвал немалое удивление у проходивших мимо солдат.

Однако и Пашка — вот он, подъехал на гнедом жеребце и молча наблюдал за всем происходящим. Через некоторое время мы были на окраине города возле небольшого одноэтажного деревянного дома.

— Господин офицер, вам туда, — он показал во двор. — Я снаружи побуду, Лука Фёдорович так распорядился.

Внутри дом не представлял ничего необычного. Просторная кухня с большой русской печью и одна горница, отделённая занавесками. За столом, накрытым к обеду, сидел сам хозяин, который встал при моём появлении.

— Прошу, Томас Томасович, не откажите. Время обеденное, за обедом и обсудим дела, — он пригласил за стол.

Конечно, изысков, подобных угощениям Каракозиса, здесь не было, но разнообразия и количества хватало. После того как по обычаю пригубили по стопке, хозяин поблагодарил за деньги для его приказчика.

— Томас Томасович, я их потратил на лекаря и лекарства, что осталось, отдал семье. Васька жизнью рисковал, но сейчас, слава Богу, — он перекрестился, глядя на образа в углу, — сейчас уже лучше. Как только встанет на ноги, посажу его в контору старшим учётчиком. Парень грамотный, справится. Теперь говори, зачем звал?

— Просьба есть, Лука Фёдорович. Как там поживает наш знакомый Игнат Лаврентьев?

— Тоже ничего, фонарь под глазом почти отцвёл, — Бессонов усмехнулся. — Да и стал, как шёлковый, не иначе как пакость опять удумал. Не нравится мне всё это...

— И мне тоже. Тут такое дело... Каркать, как ворона, не хочу, но ты с ним аккуратнее. Такие не прощают своих обид. А то, с кем он может дело иметь, подсказывает, что тебе не надо пока с ним за одним столом ни обедать, ни ужинать, ни тем более принимать от него что-то в виде еды или ещё чего съестного.

— Во как!? Не перегибаешь ли, ваше благородие? Одно дело кляузы писать по своему скудоумию и злобе, другое...

— Правильно, тут может быть и другое, — я рассказал и о произошедшем возле Осокина, и о кинжалах с отверстиями для яда, и о том, как избавились от Елистратова.

— Так, может, его хорошенько прижать да потрясти? Расколется, как берёзовая чурка под колуном, — в его глазах сверкнул нехороший огонёк.

— Пока не стоит. Не пойман — не вор, сам знаешь. Под пытками люди себя оговорить могут, и такое бывает. А вот проговориться при нём, что родственник господина коменданта, — я показал на себя, — ищет проводника, чтобы съездить к озеру Чаны, было бы очень хорошо. Уже и господин бригадир просили самолично, и ты не знаешь, как отказать, чтобы ради чужой блажи не рисковать своими людьми. Ну и всё такое прочее. Найдёшь, что сказать.

— Ох, и рискуешь, ваше благородие! Дело то нешуточное.

— Служба обязывает, иначе погоны бы не надевал. Однако спасибо за угощение, мне пора, и будь осторожен.

Теперь осталось только ждать, сработает наша задумка или нет. Мы так же, как и раньше, бродили по базарам и трактирам. Этьен, намеренно коверкая русские слова, изображал из себя переводчика француза, который ищет человека, чтобы съездить... Пару раз действительно объявлялись желающие, но после того, как я называл цену, они крутили пальцем у виска и отходили прочь. Даже у меня стали появляться сомнения, что мы поступили правильно, но дежур-

ный вновь доложил, что меня ждёт человек от Бессонова. Через несколько минут Пашка сидел напротив меня.

— Господин офицер, Лука Фёдорович просил передать, что человечка, про которого вы спрашивали, он нашёл. Если всё осталось в силе, то завтра можете приехать и посмотреть самолично, только скажите, когда. Мне приказано вас проводить.

— Вот и хорошо, завтра в два часа пополудни подъеду к базару, так и передай. Только к тебе лично будет просьба. Не удивляйся, если завтра меня увидишь там совершенно в другом виде. О том, что ты меня видел таким, как сейчас, просто забудь и никому ни слова.

— Я с пониманием, — мальчишка кивнул. — Лука Фёдорович тоже про это говорил.

— Спросить, что-то хочешь? — поинтересовался я, видя, как нерешительно парень переминается с ноги на ногу.

— Ну да. А можно бумаги ещё хотя бы несколько листочков?

— Конечно, а ту куда девал?

— Вот, — он протянул мне несколько листов, на которых я без труда узнал и Бессонова, и Василия, и самого Пашку, и, судя по сходству, его отца. — Знал, что спросите, потому и захватил с собой.

— Кто учил?

— Сам, больше некому. Ну как?

— Очень похоже, — я протянул пачку листов и ещё два карандаша. — Держи и пробуй дальше.

Место, что ли, такое здесь? Один несостоявшийся художник в мундире, второй, который трудится с малолетства посыльным и которого тоже никто и ничему не учил. Наверное, талант либо есть, либо его нет, и никакие учителя не помогут. Сколько раз видел! Хорошо, когда такой человек попадает в руки толковым людям, а если нет, то ему, как Дубову, вместо портретов и пейзажей приходится любоваться лицами бандитов и убийц да слушать каждый день звон кандалный.

Однако мне думать надо о дне завтрашнем. Чтобы изобразить из себя чудака-француза, я в очередной раз нарядился соответствующим образом, тщательно побрился, оставив лишь усы, освежил лицо одеколоном, который сам же и сделал ещё год назад, и решил ехать вместе с Этьеном в коляске, где кучером был Матвей. Обоих предупредил о встрече с посыльным от Бессонова, чтобы они его не прогнали, но и не показали, что мы ждём его. Наша коляска остановились возле базара, когда подъехал Пашка. Он спешился и подошёл к нам.

— Дяденька, здарсьте, — он поздоровался с Этьеном. — Этот, что ли, француз, которого Михаилом Мантром кличут?

— А тебе что за дело?

— Ну, так меня послал Лука Фёдорович, чтобы я проводил вас к нему. Его тут все знают. А он понимает по-нашему? — парень кивнул в мою сторону.

— Если бы понимал, я бы тут не сидел, — Этьен старательно перевёл Пашкину фразу.

Со стороны всё выглядело вполне нормально. Я кивнул Этьену и спросил на французском, кто такой Лука Фёдорович и зачем он хотел меня видеть? Этьен перевёл, на что мальчишка, не моргнув глазом, сказал, что барин, то есть Бессонов, — один из самых богатых людей в городе, и плохо, что мы этого не знаем. Он вроде как нашёл человека, который мне нужен, и сделал это лишь по просьбе моего сродственника, то есть господина бригадира, начальника гарнизона, а так бы ни в жизнь!.. Потому что оно ему никак не надо — рисковать людьми, время сейчас беспокойное. Он об этом уже говорил господину бригадиру. Но если они захотели, то пожалуйста, отказать их превосходительству не посмел. Так едем или нет?

Этьен опять, подбирая слова, перевёл весь диалог, который и так был мне понятен. Я изобразил на лице подобающее случаю высокомерие и перчаткой хлопнул кучера по плечу, после чего наша коляска покатила по улицам города вслед за Пашкой, лошадь которого

пошла лёгкой рысью. В базарной толпе мелькнуло что-то знакомое, но останавливаться и разбираться, что это было, мы не стали, так можно испортить всю игру. Вскоре наша повозка остановилась у ворот усадьбы Бессонова.

На этот раз перед нами был очень большой двор, обнесённый высоким деревянным забором, с десятком просторных амбаров и приличной конюшней. Ближе к воротам стоял двухэтажный деревянный дом, контора Бессонова, где нас на крыльце — в знак уважения — уже ждал сам хозяин. При нашем появлении он почтительно поклонился и пригласил жестом в дом. Внутри в большой комнате на первом этаже на лавке возле окна сидел невзрачный щуплый мужик средних лет, одетый, как крестьянин, который сказал, что его зовут Прохором, а фамилия Марьин. Можно звать просто Прошкой.

Странно, но я никак не мог поймать его взгляд, глаза постоянно бегали. Когда я попросил через Этьена, чтобы он смотрел прямо и отвечал на наши вопросы, мужик сказал, что это у него с детства, когда уронили с печки. А так всё, как у людей, и он очень хочет заработать. Места вокруг города, и не только, знает хорошо, но вот плата уж больно мала, поднять бы не мешало. Я уже начал сомневаться в том, что перед нами именно тот, кто нужен, и сказал Этьену, чтобы перевёл, что могу увеличить, но не более одной десятой. А с учётом того, что еда наша, и этого много. Мужик быстро закивал головой и сказал, что согласен, потому что с заработком у него сейчас совсем не густо.

Отъезд из города был назначен через неделю. За это время мы с Михайловым в сопровождении шести казаков проверили маршрут до самого озера. Чтобы наше присутствие в степи не бросалось в глаза, переоделись кто во что и ехали парами вдалеке друг от друга, но в прямой видимости. На военном языке это называется рекогносцировкой на месте. Одно дело планы, другое — реальность. За это время нам встретилось несколько торговых обозов да десятка полтора всадников, которые спешили по своим делам. Михайлов строго-настрого запретил казакам их останавливать и тем более разговаривать с ними. Да и они не горели особым желанием беседовать с нами. При виде нас всадники пускали лошадей в галоп, а кучера обозов начинали щёлкать бичами, подгоняя лошадей.

Мы прикинули, где может быть устроена засада и почему именно там. Получалось, только в двух местах, которые были почти рядом. Дорога проходила между берёзовыми рощами и длинным болотом, прямо как у Гомера в Одиссее — между Сциллой и Харибдой. Можно, конечно, сделать налёт и в степи, но никаких гарантий, что лошади разбойников окажутся быстрее, никто не даст, да и мало ли кто увидит. А вдруг доложат раньше времени? Только как незаметно разместить неподалёку целый отряд казаков, которые должны прийти к нам на помощь? Единственным подходящим местом мог быть лишь глубокий и длинный овраг, примыкавший к озеру почти вплотную в паре вёрст от березняка.

— Что скажешь, сотник?

— Даже и не знаю. Рискуешь, господин подполковник, очень рискуешь, наверное, так и скажу. А если нападут в другом месте? А если не успеем подойти? Я-то своим запрещаю разводить огонь и громко говорить, а лошадям рот не заткнёшь, и приказов они не понимают, только узду и плеть, да и то не все и не с одного раза. Я бы, знаешь, как сделал, окажись на месте разбойничков?

— Как?

— Зачем высылать целый отряд, чтобы повязать одного кучера, одного толмача, за которых никто и копейки не даст, и одного олуха, который затеял это всё безобразие ради своего любопытства? Уж извини, говорю, как человек простой. Десятка полтора конных — и хватит за глаза. Никуда не денутся.

— Тогда смысл того, что мы затеваем?

— Очень даже есть. Ты правильно всё придумал. Если на месте всех перебежём, отряд Кузьмы Пришибина уменьшится, уже хорошо, после Осокина маленько поутихли не от хорошей жизни, а если кое-кого... вдруг... да упустим... Как думаешь, куда побегут?

— Только к своим, а тут в округе лишь одна небольшая деревня Подосиновка, больше некуда.

— Вот и я об этом. Раньше мы пробовали накрыть их там, но не удалось. И ведь точно знаю, что были! Откуда же столько конского навоза в одном месте?! Выходит, предупредил Елистратов? Уходили вовремя в степь. Деревенские молчат, как рыба, боятся, однако. Людишки свои на большой дороге у них тоже есть, можешь не сомневаться. Из тех конных, что мы с тобой встречали, точно кто-то был. Правильно сделали, что их не тронули. Иначе все наши затеи ни к чему.

— А чтобы были к чему, сделаем так... После того как сработают мои хлопушки, отправишь ко мне десятка два казаков, а сам с основным отрядом иди в эту самую Подосиновку, карту помнишь? — я нарисовал на земле некое подобие плана. — Вот сюда и сюда, так быстрее будет. Если разбойники ко мне двинут, на тебя наткнутся, если сразу в степь, тебе проще догнать. Потом и я подтянусь. Если сигнала не будет, через день прочешешь местность, как положено. Всё понятно?

— Всё понял, только давай безо всяких «если», — Михайлов сдвинул папаху на затылок.

Как мы и задумали, казаки ушли за два дня до начала нашей экспедиции. Чтобы не привлекать постороннего внимания, более полусотни всадников покинули крепость в разное время и через разные ворота небольшими группами и потом собрались в том самом овраге. Людьями они были весьма опытными, своё дело знали, да и местность тоже. Зато наша коляска задержалась часа на два. Тоже хорошо, ещё одна проверка на правильность. Если проводнику надо, дожждётся. Нет — значит не тот человек. В самый последний момент мы поняли, что некуда прятать сабли, так чтобы их не нашёл наш проводник, но решение отыскалось само собой. Мой взгляд упал на телескоп в углу. И за окном ни одного облака, а значит, ночью можно хорошо видеть Луну и звёзды. Телескоп в футляр, треногу тоже в такой же, только вместе с двумя саблями. Пистолеты под одежду, чтоб было незаметно. Мою шпагу-трость в телегу, самое правильное решение: всегда под рукой, и никто не подумает, что это оружие. То, что наш проводник будет шарить в телеге, сомнений не было, но по сумкам — вряд ли. Почти к обеду мы подкатили к базару, где нас ждали с большим нетерпением. Это было видно по тому, как Прохор Марьин нервно прохаживался вдоль забора, постоянно оглядываясь по сторонам.

— Я уж думал, не приедете, заждался совсем, — Прохор взобрался на козлы рядом с Матвеем.

— Твоё дело ждать барина и делать, что скажет, а не учить его жизни, — буркнул Матвей и кивнул в мою сторону. — Хлеб за пузом не бегают, показывай, куда ехать.

Наша коляска покатила по улицам города. За ней на привязи бежали ещё три лошади под сёдлами.

— А это зачем? — Прохор кивнул на лошадей.

— Для того чтобы ноги не бить там, где телега не пройдёт, барин у нас такой затейник!.. — Матвей усмехнулся. — Сам не знает, что ему в голову придёт, но пешком ходить не любит, это точно.

Глава 4. Крещение крещённых

Город остался позади, дорога была вполне обычной; единственное, что донимало нас, — так это комары. Когда мы остановились на ночёвку, все были просто счастливы сидеть у костра, потому что дым отгонял полчища этих назойливых маленьких кровопийц. Над горизонтом поднялась Луна. Такой огромной и красивой я её давно не видел, разве что в Крыму много лет назад. Поэтому... телескоп, тренога, которая едва не погубила всю нашу затею, и вскоре он был собран, настроен и готов к работе. Хорошо, что проводника не оказалось рядом, пошёл за водой к озеру. Как только достали треногу, следом вывалилась сабля Матвея.

— Ну, смотри у меня! — я тихо выругался. — Следующего раза не будет.

— Барин! Да нешто я нарочно? — шёпотом ответил Матвей.

Видимость была просто великолепная! Казалось, стоит протянуть руку, и можно коснуться поверхности Луны.

— А это что такое? — Прохор кивнул на телескоп. — Зачем трубу в небо наставлять?

— Чтобы звёзды и Луну рассмотреть, — ответил Этьен. — По небу, — Этьен поднял глаза, — можно определить точное положение и на земле, и на море, но этому учиться надо.

— А посмотреть можно? Ты спроси хозяина, больно уж интересно.

Этьен перевёл. Я молча отодвинулся и показал на окуляр.

— Скажи, чтобы руками ничего не хватал, — попросил я Этьена.

Эффект от такого представления был весьма неожиданным. Проводник шарахнулся от телескопа, будто увидел там чертей. Потом потёр глаза и вновь припал к окуляру. Потом отошёл в сторону и трижды перекрестился.

— Там, — он поднял глаза. — Там лицо, надо же...

Этьен расхохотался.

— Мало ли чего кому привидится, вроде и не пил с утра. Ты не переживай, там ещё и не то увидеть можно, — он похлопал по плечу мужика.

— А эта штука дорого стоит?

— Не дороже денег, но полбазара купить можно. Однако господину спасибо скажи, ты единственный на всю округу, кто видел то, что на самом деле есть на Луне. Приедешь домой, своим обязательно расскажи.

— Сделаем, — при этих словах в его взгляде мелькнул нехороший огонёк, или мне показалось в отсветах пламени костра.

Ночь прошла без всяких происшествий, и ранним утром мы двинулись дальше, к конечной цели нашего путешествия — солёному озеру Чаны. О нём я многое слышал за время, пока жил в крепости. Для естествоиспытателя, которым был родственник бригадира Крофта господин Мантре, то есть я, оно представляло просто идеальный объект исследования. Ещё задолго до того, как мы подошли к берегу, в небе появились стаи птиц. Для себя я решил, что как только появится возможность, обязательно сюда приеду уже по-настоящему понаблюдать за жизнью первозданной природы в этом чудесном месте. Но только после того, как мы уничтожим банду Кузьмы Пришибина, а пока впереди был тот самый наиболее опасный участок нашего пути. Чтобы подготовиться к возможной встрече с разбойниками, перед обедом мы сделали привал. С самого утра меня не покидало чувство, что за нами кто-то наблюдает, хотя никаких признаков я не заметил, только пару раз в небо поднимались небольшие стайки птиц, будто кто-то их спугнул. Мало ли, может, зверь какой, которых тут было превеликое множество, а может и нет.

Матвей распряг повозку, стреножил лошадей, которых я запретил рассёдлывать. Этьен набрал хвороста в ближайших кустах, а наш проводник отправился за водой к соседнему озеру, потому что здесь вода была солоноватой. Мы уже собирались развести костёр, как на дороге появились всадники. Я насчитал шестнадцать человек. Это были не казаки. Вереди вер-

хом ехал сам Прохор Марьин. Судя по тому, как выполнялись его приказы, он и был главным. Я тихо на французском языке велел приготовиться к бою, но при этом вида не подавать. Разбойники, а это были они, не торопясь подъехали, окружили нас и спешили, но трое, в том числе и их командир, остались в сёдлах.

— Ты, — он плетью указал на Этьена. — Ты, толмач, скажи своему басурманину, чтобы сел в телегу и не шевелился, если жить хочет. А ты, — плетью повернулась к Матвею, — быстро запрягай лошадей и сам на козлы, поедешь за нами, и смотри мне!..

— Этьен! На счёт «три», — мы быстро достали из сена хлопушки в виде поленьев, выдернули шнуры и бросили их под ноги бандитам, чем вызвали невообразимый хохот. Потом мы заткнули уши и отвернулись. Хохот стал просто истерическим. Раз, два, три... неужели не сработало, — мелькнула в голове мысль, и я уже хотел повернуться, но тут раздался грохот и полыхнуло, будто рядом ударила молния! Дальше время словно замерло. В памяти остались лишь какие-то отдельные картины: оглушённые и ослеплённые люди на земле, лошади, несущиеся вдаль, вспышки выстрелов наших пистолетов, звон клинков. Бой закончился, по сути, не успев начаться. Трое сбежавших, которым повезло, потому что лошади от страха понесли, в том числе и наш проводник, пятеро убитых, ещё столько же раненых. Оставшиеся трое даже не думали сопротивляться. Они просто встали на колени и подняли руки.

— Барин, только не убивай! Мы не по своей воле, Кузьма заставил. Сказал, если не пойдём с ним, хату спалит и родню изничтожит. Только не убивай, барин, Христом Богом молим!

Когда подошли казаки Михайлова, я распорядился, чтобы оставили пятерых конвоиров, а с остальными мы галопом пошли в Подосиновку, благо лошади не смогли убежать далеко в степь, потому что были стреножены. К нашему приходу и там бой подходил к концу. Кое-где разбойники ещё пытались сопротивляться, но это была лишь агония банды. Наконец всё было закончено, и нам предстояло осмотреть убитых и допросить пленных, из которых степняков была добрая половина, если не больше. И тут нас ждал сюрприз, точнее, сразу два. При осмотре тел убитых моё внимание привлёк один из них, который выделялся несмотря на обычную одежду. Что-то меня насторожило при беглом осмотре. Немного погодя я понял — запах. Запах одеколона. Здесь? В степи? За тридевять земель от всяких житейских благ? Да и лицо его было не совсем обычным для разбойника: тонкие усы, аккуратная бородка клинышком и тщательно выбритое лицо. Это никак не соответствовало ни месту, ни времени. Только вот правая рука была неестественно согнута. Наверное, сломал, когда упал с лошади. Я приказал раздеть его. Надо же... Опять такой же кинжал, как возле Осокина. С виду обычная палка во внутреннем кармане одежды. Если не знаешь, то и внимания никакого не обратишь. Каково же было наше удивление, когда под простыми поношенными штанами оказалось кружевное нижнее бельё из тонкого льна! Даже Михайлов был озадачен.

— Знаешь, я такого и у баб-то не видел. Всяких насмотрелся — и благородных кровей, и не очень, но такого точно не было. Это ж надо... Вроде и мужик... Через деревню пробовал убежать, да на наших наткнулся.

Дальше было ещё интереснее. На левой руке, на предплечье, знакомые «крылья», то есть раскрытая чёрная книга! Наверное, удивление было написано на моём лице. Даже Михайлов заметил:

— Томас Томасович, никак демона увидел?

— Так и есть. Эти, — я показал на татуировку, — настоящие демоны, а может, и хуже. Потом как-нибудь расскажу. А сейчас давай поговорим с деревенскими. Доставай бумагу, перья и чернила. Лично допрашивать буду. Мой ординарец писарем, других не надо. Кто тут у них старостой?

— Понял, сделаем. Старостой здесь Иван Шемякин, пасеку большую держит, на которой с десятков работников, сейчас приведём. А это ещё что за чучело? — сотник посмотрел на подошедшего казака. На нём была белая маска, из-под которой торчала рыжая борода.

— Это его, — я кивнул на тело, лежащее на земле. — «Вольта» называется. В Венеции носят, это город такой, очень далеко, за морями и горами, стоит прямо на воде.

— Надо же... и чего сюда припёрлись?

— Жалко, допросить не успели, должен быть ещё один. Сбежал, наверное.

— Ну ничего, изловим, поговорим по душам, — Михайлов усмехнулся. — Мало не покажется. Что с ними делать? — он кивнул на тела. — Смысла не вижу тащить в крепость. Завтра будет жарко, нам два дня пути с подводами, а может, и больше, провоняет всё.

— Тоже так думаю. Исподнюю одежду чужеземца и маску в мешок как доказательство. Всех погибших разбойников похоронить за кладбищем. наших казачков заберём с собой, негоже здесь оставлять. Раненых перевязать, тяжёлых здесь оставим под присмотром местных жителей. Давай разговор начнём со старосты, а уж потом как пойдёт.

Пошло, но не совсем так, как можно было бы предположить. Вскоре передо мной сидел крепкий мужик сорока двух лет от роду с густыми седеющими волосами и маленькими, хитрыми глазками, глядящими из-под густых, сросшихся над переносицей бровей. Одежда его вполне отвечала статусу. Видно, что из крестьян, но сам на горбу мешки не таскает. На мой вопрос, как так случилось, что его деревня вдруг стала вотчиной бандитов и разбойников, а мы об этом ничего не знали, он, не моргнув глазом, ответил:

— Ваше благородие, а куда мне было деваться? Сам посудите...

— Я-то посужу, только знать хочу, почему не сообщил, как положено? За это сам понимаешь, что тебе светит. А судить будет суд.

— Так ведь пробовал, и даже два раза.

— Что пробовал?

— Ну как же... — мужик почесал бороду. — Сообщить пробовал. Два раза гонцов отправлял к этому, как его, благородию вашему... фамилия деревянная... тьфу, из головы вылетело.

— Дубову?

— Во-во, к ему самому. Первый раз обошлось, Васька Кобылин, мой гонец, стало быть, передал письмишко.

— И что?

— А ничего, ваше благородие. Ни ответа, ни привета. Даже ничего не сказал, то есть сказал, чтобы шёл... у их благородия тогда дела какие-то другие важные были. Некогда им ерундой заниматься да по всякой мелочи казаков снаряжать не понять куда и зачем.

— А второй раз?

— А второй — Васька пропал, так и не нашли, только его лошадь сама прибежала через три дня. Сам знаешь, озёр тут много.

— И тебе ничего?

— Так я ведь тоже с понятием. Ваське строго-настрога наказал в случае чего съест письмишко. Видать, так и сделал до того, как его подстрелили. Иначе перед тобой бы не сидел. Его гонцом сделал, потому как круглый сирота, — Шемякин перекрестился, глядя на образа в углу. — Горевать особо некому. И кого ещё посылать на верную гибель прикажешь?

— Тут вопросы я задаю, тебе понятно?

— Конечно, только деревня не шибко большая, все и про всё знают, а с торговыми людьми передавать весть поостерегся, мало ли как случится... Я вот о чём бы тебя просил ваше благородие... Как дознание закончишь, вели выпороть меня принародно и ещё двоих деревенских.

— Иван Степанович, ты что, умом тронулся?! Это же позор-то какой!

— А ты сам подумай, задница моя потерпит, лишь бы голова на месте осталась. Да и пороть можно по-разному. Кнут у меня есть, хитрый такой, мягкий, ежели его немного смочить бычьей или свиной кровью, получается очень натурально, пробовал. На конце нормальная кожа, если ей втянуть, будет больно, как и должно. Вы завтра уйдёте, а нам тут жить. И

как? Ежели бы здесь гарнизон стоял, другое дело, а так — сам видишь. Ваську до сих пор не нашли и, похоже, не найдут. Так что уж сделай, как прошу, помоги в живых остаться.

— Понял, только потом сам на улице не появляйся хотя бы дня три и скажи своим, чтобы тоже дома сидели. Люди не поймут, как так спина быстро зажила. А сейчас подскажи, кого мне наградить, чтоб неповадно было с разбойниками водиться?

— О как?! Я бы не догадался. Ежели подумать, есть тут один, Яковом Ильиным зовут. Жадный очень уж, за деньги и мать родную продаст. Он часто к Кузьме бегал, когда тот к нам в деревню заходил. А потом по пьянке орал, что все мы у него вот где, — Шемякин сжал кулак, — плясать будем, если захочет.

— А теперь ответь, известен ли тебе человек по имени Прохор Марьин?

— Ни разу не слышал, а какой из себя?

Когда я подробно описал нашего проводника, Шемякин усмехнулся:

— Так бы сразу и сказал, это же сродный брат самого Кузьмы. Он у них там и заправляет делами, Кузьма его слушается во всём. Звать только его по-другому, слышал, вроде как Филимоном кличут.

Проклятье! В наших руках был один из главарей, и мы его упустили! Непростительная оплошность.

— А чего спросил, если не секрет?

— Был у нас проводником, когда мы шли сюда.

— Считай, повезло, в живых остались. Подлый уж больно человечиска, много плохого о нём слышал. А ты, стало быть, тот самый хранцуз, про которого они меж собой говорили? Однако и рискованный ты, ваше благородие! То-то смотрю одет, как пугало огородное, но по-нашему говоришь, так что не отличить.

— Пугало как пугало, видел и забудь про француза. А сейчас давай по делу. Гонять курьеров тебе в город с донесениями — дело рискованное. Вреда может быть больше, чем пользы. Только на самый крайний случай. От торговых людей к тебе может прийти человек, кто — не знаю, но передаст привет, скажем, от Вильтрана. Ему можешь доверять, как мне.

— А кто это, Вильтран? У нас таких отродясь не было, и имя не наше.

— Такой же пасечник, как и ты, хороший человек. Потому и вспомнил, что его имя ни с чьим не спутаешь. Кстати, куда деваешь мёд? Пасека у тебя немаленькая. Деревенские не съедят столько, даже если захотят.

— Так дело такое, нашим много мёда вредно, пузо слипнется, и всё остальное тоже, — Шемякин замялся. — Ежели что надо, нальём из уважения, так сказать, сколько надо, столько и сделаем. А мёд продаю помаленьку. Купцы заезжие берут, да и сам иногда к кочевым людям навываюсь. Знакомые и там есть. Берут, никто ещё не отказывался. Сладкое все любят, особенно бабы и ребятишки. У них тоже.

— Вот и я об этом. Нам очень интересно знать про степняков всё: кто и что говорит, кто с кем в дружбе, кто с кем чего не поделил, кто что делать собирается. Чтобы потом по всей степи за разбойниками не гоняться. А то ведь половина банды оттуда, такого раньше никогда не было. И ещё скажи, у Кузьмы были два человека, вроде как лекари.

— Эти, ненормальные?

— Почему ненормальные?

— Ну так, прости меня господи, тьфу... Все люди как люди, то есть мужики как мужики, а эти всё время лица свои скрывали и у Дашки-солдатки, то есть у Никитиной, останавливались, когда Кузьма со своими приходил в деревню. Дом у неё разделён на две половины: в одной сама живёт, в другую постояльцев пускает. Я их рожи ни разу не видел.

— И что?

— Да как что?! Если бы они с ней... то ничего. Баба одна уже много лет, и ей в радость. А тут давеча жаловалась: баню истопи, еды наготовь, бельишко им выстирай, да так, чтобы ни единого пятнышка, и кружева там всякие не порвать, а потом...

— И что потом?

— А потом даже из её половины выгоняют, мол, иди к соседям ночевать, а после за ними всё прибери. И кровать всего одна, вторую постель никогда не стелили. Тьфу, чтоб им пусто было! Ладно бы платили хорошо, а ведь давали, чтоб с голоду не сдохнуть, и то через раз, скупердяи проклятые. И попробуй откажи!

А вот это очень интересно. Нашему иностранцу проще было уйти в другую сторону вместе с Кузьмой и его братом, а он отчего-то в деревню повернул. Надо обязательно посмотреть у этой самой Дарьи Никитиной.

— Иди, готовься к экзекуции, завтра утром будем пороть нещадно, и свой хитрый кнут сотнику отдай.

Следующим на допросе был Яков Ильин. В этот раз дверь в избу я оставил открытой, сказал, что жарко. После обязательных вопросов — кто такой и чем занимается — я положил перед ним деньги.

— Это тебе за службу, как положено.

— Ваше благородие, какая такая служба? Я не причём, — по глазам было видно, как жадность борется в его душе со страхом.

— Как это не причём? У нас в ведомости написано, что тебе положено, — я назвал сумму. — По приказу, который подписали до меня, сам видел. Если ошибка, так и платить не будем, сначала разберёмся, — я протянул руку за деньгами.

— Не, ты деньги-то оставь и разбирайся, я в случае чего верну, — он быстро сунул их в карман, жадность взяла верх.

— Грамотный?

— Нет, ваше благородие.

— Тогда вот тут, — я протянул первый попавшийся протокол, лежавший сверху. — Вот тут поставь крестик вместо подписи.

— А это что?

— Ведомость, мне тоже перед начальством отчитываться надо, что не себе в карман положил. Всё, иди. За работу спрошу после, сейчас не до тебя, иди с глаз моих. Михайлов! Зайди! — крикнул я в открытую дверь.

Когда сотник пришёл, я вновь закрыл дверь и тихо сказал:

— Найди на завтра казака, чтоб своим видом народ пугал, но мог язык за зубами держать. Ему поручим специальную экзекуцию.

— Зачем искать? Потапов! — крикнул в дверь сотник. — Зайди сюда!

Через некоторое время в комнату, пригибаясь, зашёл огромный казак, от вида которого нормального человека могло бросить в дрожь. Совершенно квадратное лицо, рост на две головы выше обычного и огромные ручищи. Сжатый кулак — размером с голову маленького ребёнка.

— Господин подполковник объяснит тебе, что ты должен делать завтра, а я пока пойду распоряжусь насчёт ночного караула, — Михайлов вышел.

— Слушай внимательно, казак. Завтра тебе предстоит особое задание.

— Всегда готов, ваше благородие, — Потапов хотел встать.

— Сиди, тебе предстоит высечь кнутом троих деревенских.

— Господин подполковник, я этому не обучен, лучше навоз за лошадьми чистить, уволь уже от этого.

— Не могу, вид у тебя больно подходящий, и надо, чтобы все поверили, что всё это по правде. Кнут будет тряпочным, а тебе надо изобразить зверское лицо и бить так, чтобы народ

думал, что бьёшь по-настоящему. Пару раз втянешь самым концом бича, а потом аккуратно, чтоб не покалечить. Про наш разговор никому и никогда. Кнут смажем кровью, чтобы следы остались. Всё понял?

— Так точно, ваше благородие, это другое дело, всё будет, как сказали.

Я отпустил казака, а сам вместе с Этьеном и Матвеем отправился к хозяйке, у которой квартировали эти самые ненормальные иностранцы. Нас встретила светловолосая невысокая женщина весьма плотного телосложения. Она напомнила мне Жизель, с которой судьба свела нас в Париже, только у этой дамы были совсем другие руки, загорелые от солнца, с выступающими венами от тяжкого труда. Я объяснил ей, зачем мы приехали.

— Раз надо, значит надо, — она распахнула дверь. — Ищите, если требуется, только скажите, что, может, и помогу.

Если бы мы знали — что? Не будет же человек ради какой-то мелочи рисковать собственной жизнью! А то, что перед нами были люди неглупые, для которых деньги — цель не главная, я за все эти годы убеждался не один раз. Мы перевернули вверх дном весь дом, но ничего существенного так и не нашли. Дарья, не откладывая, прямо при нас, тут же начала уборку после обыска и стала протирать пыль с полок на кухне и в комнате, где квартировали странные постояльцы. Она что-то ворчала себе под нос, высказывая тем самым полное неудовольствие и нам, и нашим делам, и особенно бывшим постояльцам.

Её тряпка зацепилась, похоже, за гвоздь, когда женщина протирала изголовье кровати возле стены. Хозяйка с руганью дёрнула её со всей силы, раздался треск рвущейся материи, и к нашим ногам упал небольшой квадратный кусок абсолютно чёрного стекла в изящной кожаной оправе изумрудно-зелёного цвета. Странно, зачем так прятать какое-то зеркало? Был бы это алмаз или какой-нибудь другой самоцвет, пусть даже оправа из золота с драгоценностями, я бы понял, деньги — они и есть деньги, лишними не бывают, даже если они не цель. А это?.. Вдобавок и само зеркало — так себе. Гораздо лучше обычное.

Мы так и ушли ни с чем, только время потеряли, оставив после себя полнейший разгром и крайне недовольную хозяйку. Я сунул это зеркало в карман и забыл про него до самого вечера. После скромного ужина в доме одного из родственников старосты, когда мы уже ложились спать, я вспомнил о нём, достал из кармана и положил на подоконник рядом со своей постелью, чтобы завтра утром посмотреть более тщательно, что это за штука такая. Меня разбудил мелодичный женский голос, который просил на французском срочно ввести какой-то «пинкод, иначе будет включён режим самоуничтожения». Я сначала подумал, что мне опять снится что-то непонятное, но Этьен и Матвей сидели на своих постелях и вопросительно смотрели на меня.

— Хозяин, мы думали это вы во сне... только почему-то не своим голосом.

В этот момент зеркало изменило свой цвет и над ним появилась картина — на фоне звёздного неба перед нами было изображение раскрытой чёрной книги, над которой вращался глобус. Подобного я никогда не видел! Моря, горы, континенты, острова — всё это было настолько рельефным и красивым, и глобус вращался! Потом эта красота мгновенно исчезла, и глобус превратился в чёрный череп, который прямо на глазах покрылся сетью мелких огненных трещин. Комната стала наполняться дымом с неимоверно противным запахом. Не дожидаясь, чем всё это закончится, я схватил зеркало и бросил его в кадку с водой, что стояла возле дверей. Грохот, кадка развалилась от взрыва, вся вода оказалась на полу. Зеркало валялось посреди мокрых досок и было похоже на оплавленный кусок серого металла, покрытый мелкими трещинами, на котором местами сохранились лоскуты тончайшей кожи. Такую картину застал хозяин, прибежавший на шум.

— Ваше благородие, что стряслось?

— Если бы я знал!

— Вы не беспокойтесь, сейчас баб пригоню, чтобы прибрали, окна отрыть надо, пусть проветрится. Тьфу! Воняет до чего противно!

После того как относительный порядок был восстановлен, мы наконец уснули. Утром тот самый страшный казак сделал именно так, как и обещал. Всех жителей Подосиновки собрали в самом центре деревни, куда привели троих мужиков, подлежащих экзекуции. Михайлов зачитал приговор, по которому полагалось каждому по пятнадцать плетей за то, что «имели дела с разбойниками и не докладывали о том, что здесь творилось, властям». Однако из-за того, что грамотных людей тут нет, старостой всё равно остаётся Шемякин, потому как его заменить вовсе некем. Мужиков привязали к забору за неимением столбов и показательно содрали с них рубахи. И когда появился наш казак с кнутом в своих ручищах, деревенские жители шарахнулись от него и попробовали разбежаться по домам, но были остановлены казаками.

Вопли наказуемых были слышны, наверное, на другом берегу огромного озера. Когда всё закончилось, «окровавленных» стонущих мужиков под руки утащили по домам. Со стороны всё выглядело очень натурально, и само зрелище вызвало осуждающий ропот людей. Я даже подумал, что с этим представлением мы перегнули палку, народ обозлится и будет дальше помогать бандитам и разбойникам в отместку за наказание своих земляков, но жизнь показала, что мы были правы, когда устроили этот балаган.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.